

СТАНИСЛАВ ВТОРУШИН

ДИКАЯ ВОДА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Станислав Вторушин

Дикая вода

«ВЕЧЕ»

2020

Вторушин С. В.

Дикая вода / С. В. Вторушин — «ВЕЧЕ», 2020 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8538-1

В новый сборник известного сибирского писателя С. Вторушина включены истории из сибирской жизни. «Дикая вода» – рассказ о двух друзьях, во время весеннего ледохода отправившихся на охоту, которая в это время на Севере всегда опасна. Роман «Леший» повествует о строительстве нефтепровода в глухой сибирской тайге и о том, что может случиться, если на пути строителей повстречается медвежья берлога. Действие повести «Конвой» происходит в маленьком сибирском городке, где по приказу краевых властей строят тюрьму для особо опасных преступников. Повесть «Не кричи, кукушка» рассказывает об удивительном случае и непростой судьбе маленькой девочки.

ISBN 978-5-4484-8538-1

© Вторушин С. В., 2020
© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Леший	6
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Станислав Васильевич Вторушин

Дикая вода

© Вторушин С.В., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Леший

1

Огромный бурый медведь, косолапо переваливаясь, неторопливо шел по краю поляны, то и дело припадая мордой к земле и чутко принюхиваясь даже к самому незначительному запаху. Могучие мускулы, играя, перекатывались под лоснящейся шерстью. Но пока ничто не привлекало его внимания. Ночью под деревьями бегали мыши, оставив после себя резкий, неприятный аромат. На ветке кедра совсем недавно кормилась белка, насорившая на земле свежей шелухой от спелых шишек. Чуть дальше виднелся еле заметный след лося. Зверь прошел вечером. Его запах давно выветрился. Лишь в углублениях мха, вдавленного копытами, медведь учуял следы ускользнувшей добычи.

Он несколько раз ткнулся в них, но вдруг внезапно остановился, вскинул морду и стал двигать кончиком носа, втягивая в ноздри хрупкий, уже обожженный первыми утренними заморозками воздух. От реки, которую медведь считал границей своих владений, раздавалось странное тархтение. Однажды ему уже приходилось защищать там территорию от другого медведя. Вздвигнув загривки, они поднялись на задние лапы и, обдавая друг друга смердящим запахом оскаленных пастей, схватились на берегу яростно и беспощадно. Страшный рык раскатился над рекой и лесом, оба были в слюне и пене, летящей из забитых шерстью окровавленных пастей. Пришелец, получивший несколько глубоких ран на загривке и шее, не выдержал, свалился в воду и уплыл восвояси. Но и хозяину досталось. Половина правого уха была оторвана, левая лапа прокушена, с правого кровоточащего плеча свешивался кусок кожи. Прямо на месте битвы медведь лег на истоптанную, выдернутую с корнем траву, и, не спуская глаз с противоположного берега, начал зализывать раны горячим шершавым языком. Обширные владения требовалось защищать. Отлежавшись, он подошел к высокому кедру и, встав на дыбы, сделал на нем когтями передних лап глубокие царапины.

Четыре года назад как раз там, где раздавалось тархтение, медведь открыл лосиный переход. Было это прозрачным утром с легким холодком, ощущаемом в воздухе и на земле. Такие дни иногда выдаются на севере в самом конце осени. Случается, что эта удивительная погода с уже остывшим солнцем, но ясными, довольно теплыми днями стоит добрую неделю, словно природа нарочно тянет прощание с окончательно ушедшим летом.

След лося медведь обнаружил внезапно. Его запах так резко ударил в ноздри, что хищник мгновенно замер и, не шевелясь, повел глазами по сторонам. Он тут же определил, где стоит лось, хотя и не видел его – мешали заросли молодого кедровника. Лось был не более, чем в десяти метрах. Медведь уже осторожно поднял переднюю лапу, чтобы сделать неслышный шаг в его направлении, как со стороны реки раздался топот. От берега прямо на него шли две лосихи. Медведь прижался к земле, слившись с осыпавшейся хвоей и бурым мхом и стал ждать. Лосихи неспешной трусцой направлялись к лосю. Когда они, ничего не подозревая, открыто и безопасно подошли к кедровнику, медведь, распрямившись словно гигантская пружина, обрушился на спину ближайшей из них. Лосиха попыталась сделать отчаянный прыжок в сторону, но было поздно. Страшным ударом медведь переломил ей позвоночник, она сначала рухнула на колени, потом завалилась на бок. Вторая лосиха, бежавшая в нескольких метрах сзади, не успела даже отвернуть. Не осознав, что произошло, она чуть не налетела на медведя, потом сделала огромный, испуганный прыжок в сторону и тут же скрылась за кедровником.

Опытным движением схватив лосиху зубами за загривок, медведь, пятясь, оттащил ее в кедровый подрост. Затем нагреб на нее мох и ветки и, отойдя на небольшое расстояние, лег

отдыхать. Он растянулся на земле, вытянув задние лапы и подложив под голову левую переднюю. Медведь ни о чем не думал, ничего не вспоминал. Он ощущал такое же блаженство, которое чувствуют люди после удачно проведенного дня или хорошо выполненной работы. Незаметно для себя медведь уснул. Спал он долго. И, если бы не ощущение голода, проснувшись в нем, он, по всей вероятности, не встал бы в этот день вообще. Поднявшись и отряхнувшись, медведь потянул носом воздух и тут же почувствовал запах убитой лосихи. Настороженно постояв несколько минут и не услышав ничего подозрительного, он направился к ней.

Не выпотрошенный лось портится быстро. Запах начавшегося тления, ударяя в ноздри, раздражал зверя. Медведь разгреб с лосихи натасканный им мусор и, обойдя ее вокруг и обнюхав, остановился около живота. Ткнувшись в него носом, он сначала лизнул сухую шерсть и только после этого вонзил огромные желтые клыки в лосиное брюхо. Мотая головой, медведь попытался оторвать кусок, но это ему не удалось. Тогда он уперся в лосиху лапами и резко откинул назад свою крупную тупорылую голову. И сразу почувствовал на языке вкус приторно сладковатого мяса. Это возбудило зверя. Он злобно набросился на лосиху, словно она была еще жива и оказывала сопротивление.

Выев весь живот, медведь лег на этот раз прямо у своей жертвы и так проспал до утра. Утром он сходил к реке напиться, затем снова принялся за добычу. Так продолжалось пять дней. Доев лосиху, медведь отправился к берлоге. Она была на склоне небольшого бугра под верхушкой сваленного бурей кедра. Медведь вырыл там небольшое углубление, выстелил его мхом и сухой травой.

Почти полдня он ходил на почтительном расстоянии от берлоги, пытаясь выяснить, не подстерегает ли его здесь опасность, и только после этого приблизился к упавшему кедру. Он еще постоял около него, озираясь по сторонам, потом, пригнувшись, залез под дерево на приготовленную постель.

На следующий день пошел мокрый снег. Медведь проснулся под самый вечер, вылез из-под кедра и, побродив часа два по тайге исключительно для того, чтобы прочистить кишечник, вернулся в берлогу. Он повторял эту процедуру несколько дней. Земля еще успевала впитывать талый снег, но медведь отмечал, что с каждым его пробуждением тайга становилась все холоднее и холоднее. В один из вечеров ударил мороз и утром вся земля была такой белой, словно ее накрыли сказочным одеялом. Но этого медведь уже не видел. Он крепко спал.

Проснулся он в последних числах апреля, когда снег уже стал ноздреватым и просел от пропитавшей его влаги, а на реке появились широкие забереги. Несколько дней он бесцельно бродил по тайге, пока снова не почувствовал голод. На этот раз это чувство было совсем не таким, как осенью, когда он собирался залечь в спячку. Голод гнал его все дальше и дальше от места зимовки, пока он не вышел на болото, поросшее клюквой. Солнце уже обсушило кочки, на которых она росла, и медведь жадно набросился на прошлогоднюю ягоду, казавшуюся весной особенно сладкой.

Все лето медведь провел на своей обширной территории, ни разу не подходя к берлоге. И только осенью вернулся на берег реки. Незадолго до того, как с севера потянули холода и стал падать мокрый снег, он снова удачно поохотился на лося, завалив на этот раз четырехлетнего быка. Зимняя спячка опять была сладостно-спокойной.

Так продолжалось несколько лет. Сколько, медведь не знал. Опытный охотник определил бы, что ему было не менее двенадцати лет и медведь находился в самом расцвете сил. Это чувствовал и сам зверь. Он хорошо помнил прищельца, пытавшегося поохотиться в его угодьях. Тогда тому удалось уйти, сейчас бы медведь не оставил его в живых.

И вот сегодня кто-то снова нарушил покой тайги. Грохот и гудение, издаваемые вдали, на самом краю владений, насторожили медведя. Они не утихали. И это означало, что тот, кто пришел сюда, не боится его. Постояв несколько минут в раздумье и прислушиваясь к гулу, медведь направился к реке.

Он шел быстрой неслышной походкой, то и дело поднимая морду и нервно ловя расширенными ноздрями окружающие запахи. Они не несли ничего нового. Но за несколько сот метров от того места, куда стремился медведь, его ноздри поймали резкий, еще ни разу не встреченный им запах. Он не напугал медведя, хотя зверь сбавил ход и пошел осторожнее. Ветер дул со стороны реки, и медведь был уверен, что вовремя учует опасность, если она вдруг начнет угрожать ему. Выйдя почти к самому берегу, зверь оторопел.

На большой поляне стояло несколько вагончиков. Рядом с ними расположились трактора и бульдозеры, один из которых работал, противно тарахтя и издавая смердящую вонь. Это ее еще издали уловил медведь. Недалеко от вагончиков на самом берегу в несколько штабелей лежали огромные трубы. И везде суетились люди. Они громко разговаривали, размахивали руками, куда-то уходили и приходили снова. Если бы медведь понимал человеческую речь, он бы услышал, как крепкий, широкоплечий мужик средних лет, выплюнув изо рта папиросу, сказал молодому парню:

– А ну-ка, Дима, попробуй вот эту лесину. Посмотрим, что у нас выйдет.

Парень залез в кабину бульдозера и, прибавив оборотов мотору, двинул машину на высокий столетний кедр, усыпанный шишками. Бульдозер ехал с задраным ножом, скорость его была небольшой, но когда он с ходу врезался в дерево, верхушка кедра от удара отломилась, словно ее срезало снарядом, и на кабину бульдозера градом посыпались шишки. Мужик, давший команду бульдозеристу, стал что-то снова показывать ему руками. Бульдозер зарычал, заскрежетал гусеницами, и кедр, дрогнув, начал валиться на землю. Когда он упал, мужик радостно потер руки и поднял их.

И тут медведь, молча выглядывавший из-за деревьев, не выдержал. Издав страшный рев, он поднялся на задние лапы, потом опустился на землю и начал бросать из-под себя тяжелые глинистые комья вместе со мхом и травой. Мужик, стоявший рядом с бульдозером, сначала присел от страха, затем бросился к вагончику, и уже через минуту оттуда выскочили четверо людей с дувстволками. На ходу заталкивая в стволы патроны, они побежали туда, где только что находился медведь. Но зверя там уже не было. Он уходил подальше от вагончиков и бульдозеров, не зная, где теперь будет строить свою берлогу. Одно было ясно: в старой оставаться нельзя.

Мужики добежали до края поляны. На влажной земле были хорошо видны отпечатки громадных медвежьих лап. Остановившись около них, один произнес:

– Унес, курва, роскошную шубу.

Глаза его горели хищным блеском. Он кинулся по медвежьим следам за ближайшие деревья, вернулся оттуда и, тяжело дыша, опустил ружье. От охватившего азарта и вида бывшей перед самым носом и ускользнувшей добычи его бил озноб. Другой высморкался и добавил:

– Ничего, мы его достанем. Далеко не уйдет. Правда, Гудков?

Вращая все еще горящими глазами, Гудков сказал:

– Молю Бога, чтобы не ушел. Такой шкуры у меня еще не было. Не медведь, а леший какой-то.

В это время к ним подошел бульдозерист. Он не видел медведя, не слышал его злобного рыка. Узнав, что зверь был совсем рядом, очень расстроился. Так хотелось ему посмотреть на живого хозяина тайги. Но широкоплечий, не обращая внимания на последние слова Гудкова, хлопнул его по спине тяжелой ладонью:

– Не печалься, Шабанов. Этого зверюгу ты еще увидишь. А если и не увидишь, небольшая потеря. Зато мы доказали, что наши бульдозеры возьмут эту тайгу. Завтра же начнем расчищать трассу нефтепровода.

2

Димка Шабанов уже подъезжал к первому вагончику, когда с боку дороги выскочил щенок и бросился под гусеницы бульдозера. Димка затормозил, машина заскрежетала и остановилась. Но ему показалось, что было уже поздно. Он открыл кабину, наступил на гусеницу и прыгнул на землю. Обошел бульдозер и заглянул под него спереди. Мелко дрожа от страха, от непонятного гула, доносившегося сверху, между гусениц сидел щенок и смотрел на него испуганными глазами. Он впервые попал в такую переделку и сейчас не мог сообразить, что с ним случилось. Щенок был маленький, серый, походивший на пушистый комочек с крохотными торчащими ушами. Он смотрел на Димку не мигая.

– На, на, на, – позвал его Димка и протянул руку.

Но щенок и не попытался стронуться с места. Тогда Димка лег на живот между гусеницами, поймал его за лапу и вытащил наружу. Он никак не мог понять, откуда в безлюдной тайге оказалась собака. Димка взял щенка на руки и погладил по голове. Тот поднял мордочку и лизнул его палец.

– Вот гусь, – сказал Димка, залез вместе со щенком в кабину и поехал ставить бульдозер на площадку.

Строительное управление, в которое устроился Димка, расчищало трассу под нефтепровод. Оно прибыло на берег реки несколько дней назад. Вместе с землеройщиками, как называли Димку и его сослуживцев, здесь высадились и трубопроводчики. Они поселились отдельно, аккуратно расставили жилые вагончики и сразу оборудовали причал, на который стали прибывать баржи с трубами. «Может, щенок прибежал от них?» – подумал Димка, но отдавать пушистую животину никому не хотелось. Поставив бульдозер, он взял подмышку щенка и направился в столовую.

– Ну что, Зиночка, – обратился он к золотоволосой поварихе с редкими светлыми конопушками на лице, – чем кормить сегодня будешь?

– Щи, котлеты, компот, – протараторила Зина, выглядывая в раздаточное окошко.

– Давай щи, две котлеты и два компота.

– А это у тебя что? – спросила Зина, кивнув на щенка.

– Как что? Волк, не видишь, что ли?

– Ну да волк. Ври больше. – Зина зачерпнула из большой алюминиевой кастрюли поварешку щей, вылила их в тарелку.

– Не веришь, не надо, – сказал Димка как можно равнодушнее. – Волчицу бульдозером задавил. А этого поймал. Остальные разбежались. Котлеты клади в разные тарелки, я ему беру.

– Так я тебе и разрешу поганить посуду, – отрезала Зина. – У нас и без твоих волков ее не хватает.

– Я тебе за тарелку заплачу, а ты скажешь, что разбила.

Но тарелку Зина не дала. Она положила две котлеты в одну посудину. Димка выхлебал щи, переложил туда котлету и лапшу, поставил под стол и посадил щенка к тарелке. Тот ткнулся мордой в котлету и начал есть. Зина выскочила из кухни.

– Шабанов! – закричала она. – Что ты делаешь? Я Гудкову жаловаться буду.

Она хотела выхватить из-под стола тарелку, но Димка ногой преградил ей путь. Он обнял Зину за талию, повернул к себе и сказал:

– Ну что ты, Зинок, кипятишься? В конце концов нужна нашему городу собака или нет? В каждом порядочном городе имеются свои собаки. У нас ведь даже твой занюханный буфет караулить некому.

3

– Шабанов! – негромко, с ядовитой интонацией в голосе произнес Димкин сосед по вагончику Коровин. – Ты мне ноги мыть будешь.

Соскочив с кровати, он вляпался в котлету, которую съел и уже переварил щенок. Димка открыл глаза, увидел сморщенную физиономию Коровина и опустил руку на пол. Нашупал под кроватью щенка, поднял его и сунул под одеяло. Теперь можно было разговаривать.

– Шабанов! – еще грознее заорал Коровин. – Где твоя падаля? Ты мне за сапоги платить будешь.

Димка понял, что щенок совершил еще одно преступление. Причем, если первое Коровин мог как-то простить, то испорченные сапоги – никогда. К любой вещи, за которую заплатил свой кровный рубль, он относился с величайшим почтением. Чтобы он успокоился, его надо было разозлить еще больше. Такой уж характер был у Коровина.

– Выбрось ты эти сапоги и купи новые, – сказал Димка. – Видел, какие себе купил Гудков?

– Вот ты мне их и купишь, – процедил сквозь зубы Коровин. – Не хихичь, не хихичь. Ты у меня так просто не отвертишься.

– Хапуга ты, – обозлился Димка. – Столько тыщ зарабатываешь, а на новые сапоги жалко. В этих ведь ходить стыдно.

– Да, зарабатываю, – зло произнес окончательно вышедший из себя Коровин. – Своим собственным горбом. А ты что заработал, то и пропил.

У Димки с утра всегда было хорошее настроение. Он поглаживал щенка по мягкой шелковистой шерсти, и слова Коровина его совершенно не трогали. Единственное, что смущало, Коровин никак не мог остановиться.

– Уж ты лишнего рубля не пропьешь, – сказал Димка, вытаскивая руку из-под одеяла. – А мне деньги ни к чему. Лежит в банке пятьсот тысяч, так я знакомую попросил, чтобы она их в фунты стерлингов перевела. Она мне по секрету сказала, что скоро денежная реформа будет. Рубль в пять раз упадет.

– Трепло ты, Шабанов, вот что я тебе скажу, – сердито бросил Коровин. – Находка для шпионов. Таких в войну к стенке ставили.

– Вот когда о реформе объявят, тогда и узнаем, кто из нас трепло, – лениво зевнув, ответил Димка.

Коровин взял сапоги двумя пальцами за голенище и пошел из вагончика. Димка соскочил с кровати, присел несколько раз, вытянув вперед руки. Это осталось у него от армии. После демобилизации по старой привычке он делал полный комплекс гимнастических упражнений, теперь же ограничивался только одним. Сунул босые ноги в сапоги и выскочил в тамбур умываться. В нетопленном вагончике было холодно.

Когда он пришел в столовую, Коровина там уже не было. За столом сидели только сварщики. Димка заглянул в раздаточное окно:

– Ну что, Зиновья? Щи, котлета, компот?

– Котлета сегодня с гречкой, – сказала Зина.

– Ты у нас просто молодец, – Шабанов улыбнулся, заметив, как заблестели глаза у Зины. – Значит, так, щи, две котлеты и два компота. Котлеты клади в разные тарелки.

– Опять для щенка? – Зина подняла на Шабанова большие серые глаза. – Только что его здесь Коровин материл.

Она подала Димке щи, котлету и два стакана компота. Зина знала, что компота он всегда выпивал по два стакана.

– А для щенка ты теперь ничего не покупай. Я его за счет столовой кормить буду, – сказала Зина.

4

На работу Димка пошел вместе со щенком. Он посадил его в кабину и сказал:

– Ну что, Кузя, не боишься больше бульдозера?

При слове Кузя щенок вильнул хвостом.

– Да ты действительно Кузя, – удивился Димка. – Ну что ж, будем звать тебя так.

Димка завел бульдозер и выехал с площадки. В тайге он работал один. Мастер Гудков выдал ему отметку, и теперь Шабанов крушил своим бульдозером мелколесье, расчищая путь будущей трассе. Тайга, надо сказать, была здесь гнилая. Деревья цеплялись корнями лишь за поверхность земли. Стоило чуть надавить на них, они падали, выворачивая огромные лепешки брусничника. И на том месте, где стояло дерево, оставалась круглая плешина сероватой песчаной почвы.

Был конец августа, на склонах грив темно-вишневым цветом наливалась брусника. На открытых полянах, поросших ягелем, натянув на головы бархатные береты, красовались друг перед другом роскошные боровики. Объехать их было невозможно, и похожий на чудовище бульдозер безжалостно давил гусеницами таежную красоту.

Заехав в просеку, Димка начал расчищать вчерашние завалы. Он решил до обеда дойти до небольшой сосенки, маячившей впереди среди густого мелкого березняка, который трассовики зовут чапыжником. Но перед самым обедом к нему приехал мастер участка Гудков. Димка остановил бульдозер, прыгнул на землю и в знак приветствия дотронулся пальцами до козырька кепки, словно отдавал честь.

– Вижу, вижу, что пашешь, – одобрительно сказал Гудков и посмотрел вдаль, куда уходила визирка – узкая, еле заметная просека, обозначающая направление трассы. – До сосенки сегодня дойдешь?

– Кто его знает? – пожал плечами Димка, глядя на маячившую вдали рыжеватую сосенку. – А куда торопиться? Все равно трубу укладывать только зимой будут.

– До зимы, Шабанов, нам необходимо весь лес пройти. В декабре мы на болота выйдем. Они к тому времени как раз промерзнут.

Гудков замолчал, полез в карман за папиросами, закурил. Димка тоже закурил.

– Настроение у людей мне не нравится, – сказал мастер. – Коровин приходил сегодня спрашиваться в деревню за сапогами. А нам их только вчера привезли.

– Веришь-нет, Михалыч, – Димка посмотрел туда, где еще недавно поднимался дым от горящей нефти – буровики испытывали там очередную скважину на новом месторождении, – смотрю я на эту тайгу, и душа кровоточит. Последнее продаем.

– Тебе-то чего об этом думать? – Гудков поплевал на огонек папиросы, бросил ее на землю. – Детей у тебя нет. Кому что оставлять?

– И все равно здесь что-то не так. Я понимаю: заработал человек деньги, купил машину, она его. Или дом двухэтажный построил для себя и своих детей. Он тоже его. А как можно купить нефтяное месторождение? Ведь земля, на которой оно находится, всем принадлежит. Значит, и то, что в ней, тоже наше. Почему же один человек, к тому же иностранец, владеет нашими богатствами? Мы-то от этого что имеем? Шиш в кармане.

– Хватилась кума, когда ночь прошла, – Гудков досадливо сплюнул. – Раньше надо было думать. А то ведь, поди, на митинги ходил. Демократии требовал.

– Я не демократ, я монархист, – сказал Димка и полез в кабину бульдозера.

– Через недельку мы сюда еще пару бульдозеров бросим, – крикнул вслед ему Гудков, окидывая взглядом тайгу и заранее представляя, какие дела в эту холодную длинную зиму придется совершить его людям. – Работай! И всю свою дурь из головы выброси. Главное – зарплату во время получать.

Прораб сел в машину и уехал. А Димка работать не стал. Решил сначала пообедать. Достал сверток с едой и фляжку с компотом. В свертке кроме котлет оказалось два вареных яйца. «Интересно, где взяла их Зинка? – подумал Шабанов. – В столовском меню яиц еще ни разу не было».

Он расстелил газету, выложил на нее обед, лег на траву и посадил рядом с собой щенка. Когда Димка работает, время летит незаметно, а вот обед на трассе всегда проходит тоскливо. Не любит Шабанов одиночества, потому что от него разные нехорошие мысли лезут человеку в голову. Вспоминается Димке родная деревня, где он работал трактористом. Бескрайняя, ровная, как стол, степь Кулунда. Одни ковыли да суслики. Ветер дунет, сухая трава зашуршит, словно мыши из-под земли заскребутся. Когда-то степь распахивали, целину поднимали. А теперь многие поля зарастают бурьяном. Никому ничего не надо. Ни мужику-кормильцу, ни новым властям. Потому и ушел из колхоза Димка. В городе перепробовал много разных работ, но ни на одной не задержался. В конце концов решил снова пересестись за рычаги, правда, теперь уже не трактора, а бульдозера. Поработал на разных стройках, в том числе и на прокладке дорог. А потом махнул на Север.

Но родная деревня вспоминается до сих пор. Особенно весна, когда в поле заливаются жаворонки, а за плугом, внимательно разглядывая вывернутые жирные пласты чернозема, ходят грачи. Над полем, уходя в бесконечную даль, колыхается марево, воздух наполнен особыми запахами, будоражащими душу.

Мать вспоминается часто. Лежит она в гробу, маленькая, худенькая. Ввалившиеся, закрытые глаза на желтом лице, острый нос. Мать умерла от рака, когда Димке восемнадцать лет было. Остались они с сестрой, ей тогда четырнадцатый год шел. Через год его забрали в армию. Отправил он сестру к тетке, она все это время у нее жила.

Сейчас сестра на третьем курсе медицинского института учится. Димка каждый месяц посылает ей деньги из своей зарплаты. Да и так, то сапожки купит, то костюм. Денег на трассе много платят, чего их жалеть?

Лежит Димка на земле, гладит щенка рукой. Никого у него здесь близких нету. Разве что Зинка. Да и то, если разобраться, какая она близкая? Так, раза два на лавочке вместе посидели.

Перекусил Димка, перевернулся на спину, посадил щенка себе на живот и закурил. Смотрит, как облака плывут. Низкое на Севере небо. Облака чуть за верхушки кедров не задевают. А вчера их не было. Вчера он также лежал на просеке и видел, как высоко в небе, вытянувшись тонкой ниточкой, тянул на юг клин журавлей. Сначала он услышал их курлыканье, а уж потом, прищурившись, разглядел. Высоко летели, в самом поднебесье.

Щенок на животе вдруг зашевелился, шерсть на его загривке поднялась дыбом, и он стал пятиться, сползая на землю. Димка затылком почувствовал на себе нехороший взгляд. Схватив щенка, он рывком сел и повернулся. В березняке бесшумно мелькнула огромная расплывчатая тень и тут же растворилась за деревьями. Димка почувствовал, как на голове стали подниматься волосы, а сердце начало выбивать пулеметную дробь. Щенок в руке дрожал мелкой дрожью. «Леший какой-то, – мелькнуло в голове, но он тут же рассмеялся над собой. – Лешие в тайге могут только померещиться».

5

На базу Шабанов приехал поздно. Хотелось пробить просеку до маячившей среди берез сосны. Когда углубился в березняк, остановил бульдозер, вылез из кабины, прошелся вперед, по охотничьи разглядывая землю. Но она была густо усыпана облетевшей листвой, на которой невозможно обнаружить никаких отпечатков. В одном месте у тонкой березки невысоко над землей торчала свежесломанная ветка. На изломе к ней прилипло несколько длинных, грубых темно-коричневых волосков. Охотник сразу обратил бы на нее внимание. Но Димка не был

охотником, поэтому и не разглядел следы недавно прошедшего зверя. Он прошел мимо сломанной ветки и вернулся к бульдозеру.

До сосенки было метров двадцать, и расчистить их не представляло труда. Главное, что березы росли на сухом месте. Если бы среди них оказалась мочажина, расчищать трассу пришлось гораздо труднее. В таких гнилых местах бульдозер иногда зарывается по самую кабину.

Выворотив с корнем молодой березняк и отодвинув его на край трассы, Димка решил, что на сегодня хватит. Установленную самому себе норму он уже перевыполнил. Развернув бульдозер, он направился в городок строителей.

Когда он со щенком подошел к столовой, Зина уже готовилась закрывать ее.

– Ты, поди, еще спешил? – спросила она, подняв на Шабанова озорные глаза.

– Конечно спешил. – Он просунул голову в раздаточное окошко. – Ты ведь и без ужина оставить можешь.

– Зря спешил, – нарочито равнодушно вздохнула Зина и отвернулась. – Поесть все равно нечего.

– Хоть лапши отвари, что ли, – взмолился Шабанов. – Я ведь целый день на трассе вкалывал. Только вернулся.

– Да нет, Дима, – Зина широко улыбнулась, показав красивые белые зубы. – Я это так. Я тебе все оставила. И щенку твоему тоже.

Она подала ему еду, вышла из кухни и села за стол рядом с ним. Шабанов ел, а Зина, подперев голову ладонью, смотрела на него. Он тоже посмотрел на нее. Глаза у Зинки серые, большие, а ресницы черные и длинные, даже кверху загнулись. На голове белый накрахмаленный колпак. Зинка – чистюля и за собой следить умеет. Вот только конопатая. Но повзрослеет, и может быть, сойдет все с лица. Зинке ведь и лет-то всего восемнадцать.

– Ну чего ты так смотришь на меня, Зинка? – спросил Шабанов, чувствуя, что от ее пристального и доброго взгляда начинает размягчаться сердце. Димка только сейчас заметил, какие у Зинки пухленькие и аппетитные губы.

– Вот уж и посмотреть нельзя, – она сделала обиженное лицо. Поправила кончиками пальцев поварский колпак, встала и пошла на кухню. Димка молча доел ужин, собрал посуду и подал в окошечко.

– Ты на меня не сердись, – сказал он как можно ласковее. – Я ведь не думал, что ты обидишься.

– С чего ты взял, что я обижусь? – спросила Зина, глядя на него все теми же добрыми глазами. И Шабанов снова почувствовал, как от ее взгляда размягчается сердце.

Он забрал щенка и пошел в свой вагончик. То, что он увидел там, поразило его. На столе стояла бутылка водки, два чистых стакана и две банки камбалы в томатном соусе. Паша Коровин сидел на кровати, положив ноги на стул. Он был обут в новенькие кирзовые сапоги с яловыми передками. Димка даже растерялся. Никогда раньше Коровин не покупал водку за свои деньги. А выпивать иногда выпивал. Ребята знали Пашину слабость и поэтому за водкой всегда посылали его. Этим он как бы входил в общий пай.

– Сапоги решил обмыть, а заодно и с тобой помириться, – сказал Коровин.

– Мы ведь и не ругались, – настороженно ответил Димка, глядя на сапоги Коровина, от которых резко пахло новой кожей.

– Как это не ругались? – удивился Коровин. – Я утром как вляпался в эту беду, настолько разозлился, что зашибить тебя собирался. – Коровин замолчал, покрутил носком новенького сапога и сказал: – А щенок твой молодец. Не он, не купил бы я этих сапог. Старые бы чинить стал. А чего их чинить, когда все подошвы пропали? Как ты его назвал-то?

– Кузей, – сказал Димка.

– Что это за имя? – Коровин убрал ноги с табуретки и выпрямился на постели. – Так даже котом не называют. А ведь это собака, да еще, поди, хорошей породы.

– Лайка, – сказал Димка, глядя на щенка. – Я с ним зимой миллионером стану. Он мне знаешь сколько соболей найдет? Один хант рассказывал, что ему собака в день по десять штук на деревья загоняет. Он подходит к сосне или кедру и снимает их из ружья.

– А что, дело. Тоже статья дохода. – Коровин даже заерзал на постели. – Так вот ты его зачем взял!

Про соболей Димка сказал только затем, чтобы подзадорить Коровина. Никакой охотой он заниматься не собирался, на нее при такой работе просто нет времени. Да и натаскивать собаку на соболей нужно тогда, когда она заматерееет. К тому времени нефтепровод уже закончат строить и Димка будет не в тайге, а, по всей вероятности, в своей Кулунде. Но, узнав, что Кузя охотничьей породы, Коровин будет больше уважать щенка. Хорошая собака – это деньги. А деньги Паша любит больше всего на свете.

Коровин пересел на табуретку, разлил водку в стаканы, сдвинул их, чтобы проверить – не обделил ли себя, и протянул стакан Димке:

– Чтоб долго носились! – и хлопнул ладонью по голенищу.

Пить Димке совсем не хотелось, но он понимал, что Коровин купил бутылку не для того, чтобы обмыть сапоги. Не такой он человек, этот Паша. Для выпивки наверняка была совсем другая причина, о которой он пока не говорил.

Глядя друг на друга, они молча подняли стаканы, чокнулись и выпили. Коровин поднес к носу кусочек хлеба, понюхал, с шумом втягивая в широкие ноздри воздух, потом полез ложкой в банку с камбалой. На некоторое время над столом повисла напряженная тишина. Один не знал о чем говорить, другой не начинал разговор, выжидая паузу. Помолчав немного, Коровин взял в руку бутылку и снова налил в стаканы водки. Когда выпили и это, спросил, не поднимая головы:

– Так ты трепался или на самом деле деньги менять будут?

Димка чуть было не подавился камбалой в томатном соусе, но, прокашлявшись, ответил вполне серьезно:

– Я тебя когда-нибудь обманывал?

– Да вроде нет, – пожал плечами Паша.

– А почему ты сейчас не веришь?

– Я тут кое-кого поспрашивал, – Паша скосил глаза на бутылку, в которой еще оставалась водка, – никто об этом ничего не слышал.

– Значит, пока решили не разглашать. – Димка слегка нахмурился, чтобы его слова выглядели убедительнее.

Коровин снова покосился на водку, потом спросил:

– А кассирша у тебя правда знакомая?

– Я с ней как с тобой. Тоже в одной комнате спал... Только мы с тобой спим на разных кроватях, а я с ней был под одним одеялом.

– Где? – сразу оживился Коровин, и его маленькие глазки масляно заблестели.

– В Новосибирске, в гостинице аэропорта, – ответил Димка.

– Ты к ней напросился или она к тебе? – Коровин явно заинтересовался подробностями.

– Никто ни к кому не напрашивался, – сказал Димка. – Рейс отложили до утра, а ночевать негде было. Я администраторше сунул полсотни, она меня устроила. А потом провел к себе кассиршу. Иначе бы ей пришлось ночевать на улице, а там дождь как из ведра лил.

Коровин с недоверием посмотрел на Димку. Но по его физиономии нельзя было определить, врал он или говорил правду. Пришлось верить на слово. Коровин разлил в стаканы оставшуюся водку, не чокаясь, выпил, шумно выдохнув в кулак, и сказал:

– Слушай, Димка, может, ты и мои деньги обменяешь? Ставлю литр.

– Много их у тебя?

– Сто тридцать штук. «Волгу» хочу купить. Отработаю еще эту зиму – и прощай Север. Уеду в город, устроюсь в какую-нибудь фирму. На работу буду ездить на своей машине.

– А почему «Волгу»? – спросил Димка.

– Иномарку обслуживать дорого, – сказал Коровин. – Фару разобьешь, знаешь, сколько стоит заменить?

Димка пожал плечами.

– Вот то-то. А на «Волгу» любую запчасть достать ничего не стоит. Ну, так обменяешь или нет?

– Большая сумма, – нерешительно сказал Димка. – Не знаю, согласится ли. Ведь все-таки ответственность...

– А ты поговори с ней, а? – заглядывая Димке в глаза, попросил Коровин. – Может, и согласится.

«Эх, Коровин, Коровин, – подумал Димка. – Сгубят тебя когда-нибудь твои деньги. Ночами из-за них не спишь». Но вместо этого сказал:

– Я с ней поговорю, конечно. Только ты об обмене больше ни гу-гу. Пока еще никто не знает, а то все побегут в сбербанк.

Он допил водку, выбросил пустые консервные банки в ведро, потом вместе с Коровиным они вышли из вагончика. Кузя, путаясь под ногами, тоже выскочил на улицу. Сразу за вагончиком черной стеной поднималась тайга. Легкий ветерок с шелестом пробежал по верхушкам деревьев, разнося их шепот от одного кедра к другому, и, передав, снова возвращался на опушку. Коровин задрал голову кверху, пытаясь разглядеть в черном небе хотя бы одну звезду. Но оно было затянуто тяжелыми, плотными тучами.

– Скоро снег выпадет, – сказал он, повернувшись к Димке. – Надо бы шишками запастись. Зимой их здесь не найдешь.

– Приезжай ко мне на трассу, – ответил Димка. – Я ведь кедры тоже валю. На них шишек сколько угодно. Год нынче урожайный.

– Надо бы приехать, – Коровин поежился, передернув плечами. Ветер был хотя и не сильным, но холодным. – А сейчас мне что-то спать хочется.

– Мне тоже, – сказал Димка.

Они возвратились в вагончик, разделись и легли спать. Димка всю ночь видел во сне серые Зинкины глаза. А Коровину снилась кассирша сбербанка, уезжающая от него на «Волге».

6

Трасса уходила все дальше от поселка трубопроводчиков, и ездить на работу и с работы на бульдозере становилось невыгодным. Слишком много времени уходило на поездки, да и горючка стоила немалых денег. Мастер участка Гудков стал возить Димку к его бульдозеру на своем уазике. Когда Димка уселся на переднее сиденье и захлопнул дверку, Гудков, скосив глаза на Кузю, спросил:

– Щенка-то зачем с собой возишь?

– Он у меня как талисман, – сказал Димка, погладив молчаливо сидевшего на коленях Кузю. – Да и веселей с ним. Ведь на трассе целый день словом перекинуться не с кем.

Гудков не ответил. На расчистке трассы уже давно должны были работать три бульдозера, но два из них сломались в первые же дни. Одному надо было менять коробку передач, другому поршневую группу. Все это уже недели полторы назад отправили на пароходе из Новосибирска, но ни коробка, ни новые поршни до трассы пока не дошли. Гудков считал, что розыск пропавших узлов не входил в его компетенцию. За это отвечал начальник участка Шумейко. Ему же надо было следить за тем, чтобы не вышел из строя последний бульдозер.

– Машина-то у тебя как работает? – повернувшись к Димке, спросил Гудков, когда они выехали на трассу.

– Пока нормально, – пожал плечами Димка. – А что?

– Как что? Если и твой бульдозер сломается, чем трассу расчищать будем?

– Не сломается, – засмеялся Димка. – Он у меня из особого железа.

Бульдозер стоял на взгорке, и на ровной, как ученическая линейка, трассе его было видно издалека. Гудков остановил уазик чуть в стороне и вместе с Димкой подошел к бульдозеру. Димка опустил щенка на землю, положил в кабину свой нехитрый обед и уже шагнул к пускачу, чтобы начать заводить мотор, но Кузя кинулся к его ногам и заскулил, прижимаясь к заляпан-ным засохшей грязью сапогам. Гудков опустил глаза на землю и удивленно воскликнул:

– Ты посмотри, кто здесь шарился!

И тут Димка заметил около гусениц странные отпечатки, походившие на следы босого человека. На сырой земле отчетливо виднелся отпечаток голый пятки и пяти пальцев с острыми когтями.

– Снежный человек? – спросил Димка, глядя на Гудкова округлившимися глазами.

– Какой снежный человек? – вознегодовал Гудков. – Ты что дурью маешься?

Димка еще раз посмотрел на следы, на беспомощно жавшегося к ногам Кузю и сказал:

– Ну, тогда медведь.

– А кто же еще? – Гудков крутил головой, оглядывая кромку трассы, прочертившую вековую тайгу. – Видать, не ушел, до сих пор шарится здесь.

– Ты думаешь, это тот, что приходил к вагончикам? – спросил Димка.

– Кто его знает? – пожал плечами Гудков. – Может, тот, а может, другой. Мало ли их по тайге шатается? Ружье-то у тебя есть?

– Нету.

– Я тебе свое на всякий случай оставлю, – сказал Гудков.

– Он что, на бульдозер кинется? – с тревогой спросил Димка.

– Не кинется. Но на всякий случай ружье при себе иметь надо.

Гудков сходил к машине, принес двустволку и пять патронов. Но прежде, чем отдать ружье Димке, он зашел метров на двадцать в тайгу, рассматривая медвежьи следы. Зверь, по всей видимости, бродил здесь ночью, сейчас он был уже далеко. Гудков определил это по следу, который ровной строчкой уходил в низинку. На день медведь в низинке ни за что не останется. Он устроит лежку на высоком месте, с которого видно далеко вокруг и до которого за сотни метров доносятся все запахи тайги. Гудков с удовольствием устроил бы охоту на медведя, но на это требовалось несколько дней, а таким временем он не располагал. Постояв немного около оставленного зверем следа, он вернулся к бульдозеру.

– Держи, – сказал он, протягивая оружие Димке. – А я поеду. У меня сегодня дел сверх головы.

Гудков уехал. Димка положил ружье в кабину, патроны сунул в карман и, настороженно оглядываясь по сторонам, начал заводить бульдозер. Пускач затарахтел от первого рывка стартера. Потом зацвокала крышка выхлопной трубы, выпуская клубы синего дыма, и вот уже ровно застучало стальное сердце машины. «Тах-тах-тах», – выстукивал пульс двигатель, и от этого неторопливого, равномерного тарахтения у Димки сразу стало спокойно на душе. Словно рядом с ним появился могучий друг, который сможет защитить от любой беды. Он посадил в кабину щенка, уселся сам и двинул бульдозер на ближние сосны.

Димка смотрел на трассу, а перед глазами все время стояли медвежьи следы. «И чего он вертелся около бульдозера?» – думал Димка. Он вспомнил, как несколько дней назад во время обеда также забеспокоился Кузя, начал жаться к нему, а в стороне от трассы между деревьями мелькнула крупная неясная тень. Димка тогда подумал, что все это ему почудилось. Но, по всей видимости, никакого наваждения не было. По тайге шарился медведь.

Перед обедом на трассе снова появился узик. Димка думал, что опять приехал Гудков, но на этот раз из машины вышли начальник участка Шумейко и еще двое незнакомых мужчин. Судя по тому, как Шумейко крутился около одного из них, одетого в хорошую кожаную куртку и дорогой шерстяной пуловер, начальник участка привез на трассу больших людей. Шумейко дал знак рукой, Димка остановил бульдозер, вылез из машины и подошел к гостям.

– Ну что, Шабанов, – достав из кармана пачку сигарет и протянув ее для угощения Димке, сказал Шумейко, – тайга покоряется сильным?

Димка от курева отказался. Он увидел, с каким вниманием рассматривает его незнакомец в кожаной куртке. Димка тоже оглядел его и еще больше утвердился во мнении, что на трассу приехал высокий гость. На незнакомце были хорошо отглаженные брюки и добротные, начищенные до блеска туфли с квадратными носками. Они считались самыми модными, и Димка к весне, когда будет закончена работа, хотел купить себе точно такие же. Сейчас туфли не нужны, в тайге асфальта нет, а по грязи в них много не находишь.

– Работаем помаленьку, – сказал Димка, кивнув на трассу. С обеих ее сторон насколько хватал глаз бульдозер набуровил валы из земли и сваленных деревьев.

– Как много ви можешь сделать за один день? – подняв указательный палец и для большей убедительности показывая его Димке, спросил незнакомец в кожаной куртке.

Он говорил на ломаном русском языке, и Димка понял, что перед ним был если не сам хозяин нефтяного месторождения, то его представитель. Незнакомец, прищурившись, смотрел на бульдозериста, ожидая ответа.

– Фил Голби, – подобострастно глядя на иностранца, сказал Шумейко. – Вице-президент компании «Сибойл». Нефтепровод строим по их заданию.

Димке иностранец не понравился с первого взгляда, хотя он и не мог сказать почему. По всей видимости, щегольским видом, который никак не вязался ни с трассой, ни тем более с дикой северной тайгой. «Мы здесь пашем по уши в грязи, – подумал Димка, – а он ходит в отглаженных брюках и лакированных ботинках. И ведь не на себя пашем, а на него». Но сказал совсем другое:

– Пока никаких проблем нет, но когда выйдем на гриву, где стоит столетний кедрач, одним бульдозером ничего не сделаешь. Лес уже сейчас надо валить бензопилами.

– Я фам гофориль, – Фил Голби повернулся к Шумейко, – что один бульдозер это «фу». – Голби сложил пальцы правой руки трехперстием и дунул на них. – На такой трасса пять мало.

Иностранец дернулся от возмущения, его лицо покрылось розовыми пятнами. Он повернулся спиной к уже расчищенной трассе и, чуть согнувшись, посмотрел вдаль, словно пытался разглядеть за плотными деревьями конечную точку будущего нефтепровода. Шумейко забежал перед ним и, хлопнув себя рукой по груди, сказал:

– У нас как в договоре записано? Мы должны сдать нефтепровод к пятнадцатому марта. Так ведь? А сегодня что? Сегодня только пятое сентября. До окончания срока еще шесть с половиной месяцев. Все мы успеем, все мы сделаем.

– Ви должен делать один километр в день, – все так же раздраженно сказал Голби. – Даже если будет плохой погода. А сейчас сколько?

– Мы не по километру, по три в день делать будем, – убежденно сказал Шумейко. – Вы знаете, сколько я таких трубопроводов, как этот, построил? Не одну тысячу километров.

Голби достал из внутреннего кармана куртки калькулятор, нажал на несколько кнопок, что-то подсчитывая. Потом поднял глаза на Шумейко и сказал:

– Один день задержки пуска, и ви будет плятить тридцать пять тысяч долларов неустойки. Каждый день тридцать пять тысяч долларов.

Он холодно посмотрел на Шумейко и неторопливо засунул калькулятор в карман. Начальник участка опустил голову. После этих слов иностранец еще больше не понравился Димке. Ему стало жаль своего начальника, и он сказал:

- А что, если мы забастовку объявим?
- Как забастовку? – испуганно вскрикнул Голби.
- Обычно, – ответил Димка. – Так же, как это делают у вас.
- Для забастовки нужен повод, – сказал Голби.

Он произнес эту фразу так хорошо, что Димка подумал: этот иностранец знает русский гораздо лучше, чем пытается говорить на нем.

– А нам никакого повода искать не надо. Будем работать по восемь часов согласно нашим русским нормам. И вы этот нефтепровод не только к пятнадцатому марта – к пятнадцатому декабря следующего года не получите.

Голби испуганно посмотрел на Шумейко. Тот пожал плечами: дескать, чего ты слушаешь этого обормота, и пошел к машине. Голби и его спутник, так и не произнесший ни единого слова, очевидно потому, что не знал русского, направились вслед за начальником участка.

– Работай! – уже садясь в машину, махнул рукой Димке Шумейко. – Вернешься на базу, мы с тобой еще поговорим.

«Уазик» недовольно фыркнул, кособоко развернулся и, оставив около бульдозера синее облако выхлопа, покатил назад. Димка в задумчивости остановился, дожидаясь, пока машина не исчезнет из вида. Его не зря удивила хорошо произнесенная по-русски последняя фраза иностранца. Еще пять лет назад настоящее имя Фила Голби звучало как Филипп Остапович Голобейко.

Сидя в машине и искоса поглядывая на Шумейко, Голби думал: «Подлая страна. Подлый народ. Им же стараешься сделать лучше, а они норовят плюнуть в рожу. Без меня этот бульдозерист шарился бы по мусорным бачкам у подъездов и само слово забастовка не мог бы вспомнить».

7

Совсем недавно коренной москвич Голобейко работал старшим научным сотрудником в одном из многочисленных научно-исследовательских институтов столицы. Ежедневно ездил на службу на метро, в одиннадцать часов пил чай с булочкой, в обед в институтской столовой съедал постные щи и котлету с гречневой кашей. Вспоминая сейчас те времена, Голобейко не мог понять, как можно было быть счастливым при такой жизни. А ведь он был почти счастлив.

В двадцать восемь лет защитил кандидатскую диссертацию, активно собирал материал для докторской. Ходил вместе со всеми на демонстрации и субботники. Когда у кого-то из сослуживцев наступал день рождения, сбрасывался вместе с остальными по рублю, бежал в магазин потому, что чаще всего в магазин посылали именно его, Филиппа, покупал вино и торт и, переполненный радостными чувствами, участвовал в застолье. Шутил, рассказывал анекдоты, отпускал комплименты женщинам. Трепетно держал за руку молодую сотрудницу Дашеньку Воронцову, при этом старался не встречаться с ней взглядом. Потому что когда смотрел на нее, грудь наполнялась жаром, а сердце стучало так, словно под окном лаборатории включали отбойный молоток. Дашенька была от него беременна, и вопрос об их свадьбе был уже решен. Все упиралось в дешевую квартиру, которую они никак не могли подыскать. Не случись ельцинской революции, женился бы Голобейко на Дашеньке, защитил докторскую, имел бы уже троих детей и жил где-нибудь в Чертаново или Орехово-Борисово в трехкомнатной квартире панельной многоэтажки. Но революция все перевернула в его жизни.

Началось с того, что в институте перестали выдавать зарплату. Сотрудники лаборатории, как, впрочем, и всего института, исправно ходили на работу, сидели за столами у своих компьютеров, делая расчеты и сложные вычисления. А за окнами бурлили страсти. На улице Тверской у памятников Пушкину и основателю Москвы князю Долгорукому собирались тысячные толпы, над которыми возвышались одетые в одинаковые пиджаки ораторы с мегафонами в

руках. Надрывая легкие, они бросали в толпу слова, на которые могли откликнуться только самые простодушные люди: «Свободу народу!» «Частную собственность – всем!» «Богатство и счастье – каждому!» Собравшиеся на митингах жадно настораживали уши и хлопали после каждой фразы, отбивая себе ладоши.

На Горбатом мосту у самых стен Кремля поп-расстрига, изгнанный за неотпускаемые грехи из церкви, собирал десятитысячные толпы и, размахивая тяжелым католическим крестом, кричал истерическим фальцетом: «Коммунистов – на фонарные столбы!» Его желтое скуластое лицо нервно дергалось, вытаращенные, с красными прожилками, глаза, постоянно вращаясь, жадно горели. Широкоплечие парни в тех же пиджаках, что и на Тверской, стоя по обе стороны от расстриги, орал в мегафоны: «Только класс собственников может сделать всех вас счастливыми!»

Каждый рабочий день сотрудники лаборатории начинали с обсуждения новостей. Бледная из-за постоянного недоедания последних месяцев Дашенька Воронцова, оперевшись локтями о стол и сжав тонкими узкими ладонями впалые щеки, спрашивала, ни к кому не обращаясь:

– Когда же нам выдадут зарплату?

Толстый и неуклюжий младший научный сотрудник Каха Робакидзе, вытерев пухлой ладонью жирные губы, отвечал:

– Когда вернем золото партии, тогда и выдадут. Коммунисты перевели все деньги за границу.

Другой младший научный сотрудник, Лешка Митрофанов, громко сморкался в платок и говорил:

– Надо бросать все к чертовой матери и ехать в деревню. Картошку, огурцы-помидоры выращу, с голоду не пропаду.

Никто из них не верил ни в свободу, ни в демократию, ни в частную собственность. Голобейко слушал разговоры и молчал. Лежа вечером на своей койке в институтском общежитии, он думал о том, что всеми процессами в мире управляют деньги. Если в стране возникла смута, значит, кому-то она нужна. «Кому? – мучительно соображал Голобейко. – Кто будет распоряжаться шестой частью света? И куда подевались коммунисты, в руках которых был и государственный аппарат, и армия, и все спецслужбы?» В воздухе все больше пахло огромными дележами, но сколько он ни мучился, не мог сообразить, как проникнуть к той щели, откуда идет этот дразнящий запах.

Институт не получал заказов, никто не требовал от сотрудников отчета об их работе. Словно уже не было ни института, ни его сотрудников. Даже постоянно насупленный вахтер, стоявший у входа с тяжелой коричневой кобурой на широком ремне, бесследно исчез куда-то. Говорят, захватив с собой пистолет, подался на рынок охранять товары на складе новых торговцев.

Но как и у всяких событий бывает свое начало и свой конец, так и в полной неопределенности институтской жизни все пришло к своему завершению. Однажды в дверях лаборатории появился широкоплечий парень в оранжевом галстуке и желтых ботинках и, сверкая улыбкой на шестьдесят фарфоровых зубов, сказал сухо и до того по-будничному просто, что никто не успел даже опешить:

– Я из Америки. Представляю бизнес высоких технологий. У нас есть возможность дать вам работу. Не всем, конечно, но тем, кто подойдет по нашему профилю.

Американец положил перед каждым по пухлой стопке бумаг. Все, шурша и сгорая от любопытства, начали разглядывать их. Это были подробнейшие анкеты. В них требовалось указать не только фамилию, имя и отчество, но и список исследовательских работ, в которых принимал участие. А также дать краткий обзор каждой из них.

Глянув на анкету, Голобейко сначала оторопел. Научно-исследовательский институт считался сверхсекретным учреждением. В нем разрабатывалась компьютерная память для ракет. С помощью такой памяти каждая из них могла наводиться на любой, даже самый замаскированный объект. Заполнить анкету – значит рассекретить не только себя, но и учреждение.

Однако когда Голобейко поднял голову, то увидел, что многие уже торопливо заполняют анкеты. Первым протянул свою американцу Каха Робакидзе. За ним, опустив глаза, подал аккуратно сложенные листки Азик Шаймиев. Митрофанов, не глядя, сунул анкету в стол, сказал, что выйдет в коридор покурить, и не вернулся. Проследив взглядом за Митрофановым, Голобейко отвел американца в сторону и спросил, нельзя ли с ним встретиться вечером.

– О да! О да! – радостно обнажая фарфоровые зубы, тут же согласился американец.

Филиппу надо было выяснить, какие именно фирмы представляет американец, в каком городе предстоит трудиться и какие условия будут созданы для этого. Встречу Филипп назначил в своем общежитии. Американец пришел ровно в семь вечера, достал из сумки большую квадратную бутылку виски и, оглядывая Филиппа, как женщину, выставил ее на стол. Голобейко, слегка смутившись, достал из тумбочки два граненых стакана.

В общежитской комнате был только один стул. Филипп, извиняясь, развернул стол, сел на кровать и пригласил американца. Тот тут же сел, сверкнув глазами и обнажив такую ослепительную улыбку, словно его фотографировали на обложку иллюстрированного журнала.

По русской традиции самые откровенные разговоры ведутся за рюмкой. Филипп сам открыл бутылку, налил по половине стакана, чокнулся с американцем и выпил. Закуски не было. Филипп крикнул, вытер ладонью губы и уже открыл рот, чтобы начать разговор, но американец опередил его. Он вплотную подвинулся к Голобейко, обнял за талию и горячо задышал в самую щеку. Филипп, брезгливо передернувшись, отодвинулся. Американец нагнулся к стоявшей у кровати сумке, расстегнул ее, достал пачку долларов и сказал, повернувшись к гостеприимному хозяину:

– Если ты настаиваешь, чтобы я заплатил вперед, – пожалуйста!

Он сунул деньги под подушку и снова схватил Филиппа за талию. Тому было неприятно, но он никак не мог понять, чего от него хотят, потому что никогда не сталкивался с подобным обращением. Понял только тогда, когда американец, повалив его на кровать, начал стаскивать с него брюки. Они были великоваты и с одного рывка очутились у Филиппа на коленях. Он попытался вырваться, но американец всем телом навалился на него. Он был и крупнее и намного сильнее. Поняв, что насилия не избежать, Филипп истерически закричал, зовя на помощь. На его счастье, по коридору шла группа молодых сотрудников института. Услышав крик, они заскочили в комнату. И сразу увидели извивающегося на кровати Филиппа со спущенными до колен штанами и согнувшегося над ним американца, сжимающего в руках готовый зафонтанировать детородный орган.

– Спасите! – задыхаясь, прохрипел Филипп, уже отчаявшийся вырваться из-под туши педераста.

Парни кинулись на американца. Один с размаху въехал ему в ухо, другой ударил кулаком по губам. Два фарфоровых зуба, звякнув, вылетели на пол. Американца стащили с кровати и начали пинать. Закрывая руками окровавленную рожу, он выполз в коридор и попытался подняться, но его продолжали бить и там. И только после того, как он очутился на лестнице, парни отступились. Американец кубарем скатился на нижнюю площадку, вскочил и, скуля и закрывая лицо ладонями, вылетел на улицу.

Парни вернулись в комнату к Филиппу. Он сидел на кровати, растрепанный и мокрый, стуча зубами от страха. У него было такое чувство, будто его только что вернули с того света.

– Как он сюда попал? – спросил Валька Козлов, выбивший американцу зубы.

Филиппу пришлось рассказать все с самого начала. Парни посмеялись над неудачным знакомством коллеги с иностранцем, допили виски и ушли к себе. И только тут Филипп заме-

тил стоявшую у кровати сумку. Он поднял ее, раскрыл, заглянул внутрь. В одном ее отделении были презервативы, жевательная резинка, сигареты «Кемел». В другом, закрытом на молнию, тугие пачки долларов. Голобейко закрыл дверь на ключ, вытряхнул доллары на кровать, трясушимися руками пересчитал их.

Долларов оказалось шестьдесят семь тысяч. Голобейко выбросил сумку в мусоропровод, утром купил билет на поезд до Варшавы и уже на следующий день вечером сидел за столиком летнего кафе, раскинувшегося прямо на тротуаре пыльной и широкой, словно футбольное поле, Маршалковской. Мимо него проходили красивые полячки, некоторые останавливали на Филиппе свой взгляд, но он решил не заводить знакомств до тех пор, пока не осмотрится в новом городе. Доллары он зашил между двумя футболками, и когда надевал это одеяние на себя, оно напоминало ему кольчугу. Поверх футболок Филипп носил широкую рубаху навыпуск.

Через неделю во время ужина к нему за столик подсел сухощавый парень со впалыми щеками и гладко зачесанными назад темными волосами. Филипп понял, что все это время за ним следили, и сразу насторожился. Поляк заговорил на неплохом русском:

– Я вижу, что вы постоянно один и потому скучаете.

Филипп десять лет изучал английский. Сначала в школе, потом в институте. Когда работал в лаборатории, занимался им еще и факультативно. Английский нужен был для того, чтобы читать на языке оригинала специальную литературу. Поэтому ответил по-английски:

– Я вас не понимаю.

Поляк, сверкнув глазами, сухо засмеялся:

– Не принимайте меня за дурачка. Я знаю, что вы русский. Так задумчиво сидеть в одиночестве за кружкой пива может только русский. Меня зовут Лешек Мочульский. Я представляю фирму, оказывающую услуги бывшим советским.

Филипп сразу вспомнил американца, пытавшегося изнасиловать его, и сказал, на этот раз уже по-русски, что ни в каких услугах не нуждается.

– Я не предлагаю вам девушку, – пытаюсь разъяснить ситуацию, заметил Мочульский. – Я человек бизнеса. Моя профессия – заграничные паспорта, визы, оформление юридических документов для открытия на территории Польши иностранных частных фирм.

Филипп подозвал официанта, заказал водку, красную икру, венские шницели.

– Я сразу понял, что мы найдем общий язык, – подождав, пока отойдет официант, сказал Мочульский. – Вы хотите открыть фирму?

Филипп промолчал. Разлил водку по рюмкам, вопросительно посмотрел на Мочульского.

– Почему вы на меня так смотрите? – пожившись, спросил Мочульский.

– Вы не закусываете. Не любите русскую икру?

Лешек отставил рюмку, положил на кусок хлеба толстый слой икры, откусил и произнес набитым ртом:

– Я правильно угадал, что вы хотите открыть фирму?

– Скажите, для чего русскому открывать фирму в Польше? – не скрывая удивления, спросил Филипп.

– Сейчас все русские открывают фирмы за границей.

– Мне не нужна фирма, – ответил Филипп. – Я жду товарища, он должен прилететь в Варшаву из Стокгольма.

Мочульский выпил, снова закусил икрой, щелкнув замками, открыл кейс, в котором лежало десятка полтора новеньких паспортов различных государств, выбрал один из них, протянул Филиппу:

– Вот шведский. Если хотите в Швецию, я его оформлю на вас, сделаю визу.

Филипп, слышавший не раз, что поляки являются лучшими мошенниками в Европе, взял паспорт в руки, развернул, разгладил его ладонью. Если он и был фальшивым, то такую

фальшивку могли сделать только профессионалы очень высокого класса. Бумага, печать, тиснение не вызывали ни малейшего подозрения. Филипп посмотрел на корочки и вернул паспорт Мочульскому.

– Мне не надо в Швецию, – сказал он. – Я поеду в Гаагу.

– У меня нет голландского паспорта, – развел руками Мочульский. – Но если он вам очень нужен, я постараюсь достать.

– Спасибо, – ответил Филипп. – Мне нужно идти. У меня сегодня еще много работы.

Он положил деньги на стол и поднялся. Мочульский достал из верхнего кармашка пиджака визитную карточку и протянул Филиппу:

– Если потребуюсь, позвоните. Уверяю вас, у меня очень надежная фирма.

Филипп позвонил поляку через три дня, договорился о встрече. Они зашли в небольшой ресторанчик, сели за столик у окна. Пить не стали. Филипп заказал по чашке кофе и рюмке французского коньяка.

– Мне нужна виза в Голландию, – сказал Филипп. – Но я не хочу возвращаться из-за этого в Россию. У меня нет времени.

– Разовая или многократная? – спросил Мочульский, неторопливо отпивая маленький глоток кофе.

– Разовая.

– Это будет стоить вам двести пятьдесят долларов, – ответил Мочульский.

Филипп помедлил с ответом, делая вид, что подсчитывает, сколько он от этого выгадает или проиграет, и сказал, криво усмехнувшись:

– Все равно дешевле, чем отправляться за визой в Москву.

– Завтра я заеду за вами и сделаю вам визу, – ответил Мочульский.

В Гаагу Филипп Голобейко прилетел за час до полудня. На такси добрался до центра города, побродил по узким мощеным улочкам, пересек несколько таких же мощеных площадей. Но ни площади, ни старинные здания, ни позеленевшие от времени бронзовые скульптуры не произвели на него впечатления. Столица королевства тюльпанов ему не понравилась. Может быть, причиной этому была погода. Над городом, цепляясь за шпили костелов, тянулись угрюмые облака, с недалекого моря на улицы пробирался сырой, непривычный русской душе ветер. Филипп поежился и остановился, раздумывая, что делать дальше. Поднял глаза и увидел, что стоит рядом с вокзалом. Он сел на поезд и через два часа оказался в Амстердаме.

Здесь было еще неуютнее, чем в Гааге. Над крышами домов, шевелясь словно медузы, плыли тяжелые тучи и сеяли мелкий дождь. У Филиппа не было зонта. Втянув голову в плечи, он прошел к тротуару, где стояли такси, и попросил отвезти его в отель. Взяв номер, он опустился в кресло и впервые за последнее время почувствовал себя совершенно одиноким. Доллары лежали у самого тела, он ощущал их кожей, но они не грели. В душе была жуткая пустота, в глазах – полная безнадежность. Он был один в чужой стране с чужим языком, чужими привычками, даже с чужой едой. Он был никому не нужен.

Филипп подошел к окну, отодвинул штору. Мелкий дождь, не переставая, продолжал сыпать мокрую крупу. Черепичные крыши домов из красных превратились в темно-бурые. Издалека донесся прощальный гудок корабля, отчаливающего от пирса. Филипп отвернулся и закрыл глаза. Впервые в жизни ему захотелось напиться от тоски.

Он вышел в коридор, по широкой лестнице, застеленной толстой ковровой дорожкой, спустился на первый этаж, прошел в ресторан. Он был почти пуст. За столиком недалеко от входа сидела одинокая девушка. Истосковавшийся по человеческому общению, Филипп подошел к ней, спросил по-английски, можно ли сесть за ее столик. Она подняла на него большие темные глаза и пожала плечами. Филипп сел. У девушки было красивое лицо. Филипп обратил внимание на высокий лоб, тонкий, словно выточенный нос с нервными, трепещущими ноздрями, сочные, выпуклые губы.

– Скажите, здесь всегда так пасмурно? – кивнув на окно, снова по-английски спросил Филипп. Он уже убедился, что почти все голландцы знают английский.

– Ich nicht ferstejn, – ответила девушка и повернулась к официанту, который нес ей кофе на маленьком подносе.

Подождав, пока официант поставит кофе и отойдет от стола, Филипп спросил:

– Не поужинаете со мной? Я не люблю сидеть за столом в одиночестве.

Девушка решила, что незнакомец не понимает по-немецки, поэтому сказала по-русски:

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Услышав русскую речь, Филипп так удивился, что девушка сразу обратила на это внимание.

– Вы знаете русский? – спросила она.

– В некотором роде да, – ответил Филипп.

Девушка оказалась русской немкой. Родилась и выросла в Казахстане, но пять лет назад вместе с семьей эмигрировала в Германию. Однако за все эти годы так и не привыкла к немецким порядкам. Поэтому перебралась в Голландию. Сейчас живет в небольшом городе Харлем недалеко от Амстердама. Имеет маленькую фирму по поставке цветов в Россию. Сюда приезжала по делам, через два часа ей надо возвращаться в Харлем.

– В этом ресторане готовят хороший кофе. Поэтому и зашла сюда, чтобы скоротать время, – сказала девушка.

– Меня зовут Филипп, – сказал Голобейко. – А вас?

– Надя Хольман, – ответила девушка.

– Не поужинаете со мной? – теперь уже по-русски спросил Филипп. – Я не люблю сидеть за столом один.

– А почему бы и нет? – засмеялась Надя. – Я так давно не говорила по-русски.

За ужином Надя рассказала ему о Голландии, о своей маленькой квартирке в Харлеме, о деле, которым занимается. В ее фирме всего один человек – она сама. Прямого контакта с русскими она не имеет. Ее задача – забрать уже упакованные в коробки цветы у фермеров и отвезти их в Амстердам. В Россию цветы отправляет другая фирма. Филипп понял, что она играет роль посредника.

Впервые после отъезда из Москвы он ощутил на душе легкую радость. Ему было приятно с Надей. Она оказалась не только красивой, но и умной. Легко откликлась на шутку, при этом улыбалась одними губами. Любила иронию, иногда иронизировала над самой собой. И он непроизвольно отметил, что так могут вести себя только русские. Ни американцы, ни немцы над собой не иронизируют.

После ужина Филипп проводил ее до вокзала, усадил на поезд. Надя оставила ему свой телефон.

– Позвони, – сказала она, уже ступив на подножку вагона. – Если, конечно, будет свободное время.

– Обязательно позвоню, – заверил Филипп.

На следующий день во время обеда в ресторане за столик Филиппа подсели двое россиян. Один из них был черноволосый, с большими навывкате темными глазами и крючковатым мясистым носом, другой – блондин с узким лицом. Когда официант принес меню, черноволосый, по складам читая названия блюд по-английски, пытался выяснить у него, что представляют эти блюда и нет ли среди них свинины. Официант, не понимая, чего от него хотят, только пожимал плечами. В конце концов заказ они все-таки сделали.

Обедали россияне плотно. На закуску были малосольный лосось, испанская темно-розовая ветчина, овощи и мясной салат. На второе – огромные английские бифштексы с запекшейся кровью.

– Хорошо бы организовать здесь свою фирму, – сказал чернявый, отрезая кусок бифштекса.

– Прежде, чем организовать фирму, надо за что-то зацепиться, – ответил блондин и подозрительно посмотрел на Филиппа. – Пока не зацепишься, как ты ее организуешь?

– Вы не возражаете, если я закурю? – спросил по-английски Филипп, доставая из кармана сигареты.

Россияне переглянулись, но, увидев в руках Филиппа сигаретную пачку, молча закивали головами. Филипп закурил, положив пачку на стол. Россияне снова переглянулись, и чернявый, медленно подбирая английские слова, спросил Филиппа:

– Вы живете в Амстердаме?

– Нет, – ответил Филипп. – Я живу в Харлеме. В Амстердам приехал по делам бизнеса. А вы, я вижу, из России?

– Да, – сверкнув желтоватыми белками, ответил чернявый.

– Я торгую с Россией, – сказал Филипп. – Поставляю в Москву цветы.

– Вы говорите по-русски? – повернувшись к Филиппу и немного подавшись вперед, спросил блондин.

– Очень плохо. По-русски говорит моя жена.

Филипп удивился сам себе. Он никогда не стремился стать актером, но сейчас с первой же фразы вошел в роль. Ему было интересно узнать, за что хотят зацепиться в Голландии эти люди. Россияне, как по команде, достали бумажники и, вытащив из них визитки, протянули Филиппу. Он бегло прочитал их. Чернявого звали Ахмед Саитов, блондина – Борис Шемберас.

– Скажите, – глядя Филиппу в глаза, спросил Шемберас, – а нефтью ваша фирма торговать не может?

Его английское произношение было вполне сносным. Филипп выдержал взгляд с холодным британским спокойствием и сказал, усмехнувшись:

– В Голландии можно торговать всем.

Ахмед Саитов тут же подозвал официанта, заказал коньяк и велел принести третью рюмку.

– Это хорошо, что ваша жена знает русский, – сказал он. – Кстати, откуда она его знает?

– Этого требует наш бизнес, – ответил Филипп.

– А как вас зовут? – спросил Шемберас.

– Фил Голби, – не моргнув глазом ответил Филипп.

Дальше пошел ничего не значащий треп. Россияне спросили, есть ли у него дети, был ли Фил в Москве. Он ответил, что никогда не был, да и жена была там всего один раз, поэтому оба мечтают съездить в Россию. Когда была допита бутылка, Ахмед Саитов, которого Филипп окрестил про себя чеченцем, как бы невзначай спросил, трудно ли в Голландии зарегистрировать иностранную фирму.

– С иностранной есть проблемы, – ответил Филипп, – для нее нужен определенный уставной капитал. Но совместное предприятие открыть очень легко.

Внимательно слушавший Филиппа Ахмед посмотрел на Шембераса. Тот прикрыл глаза, и Саитов, чуть улыбнувшись, сказал:

– Послушайте, Фил, а не хотели бы вы создать вместе с нами фирму по продаже в Голландии российской нефти?

Филипп откинулся на стуле, провел холодными пальцами по неожиданно вспотевшему лбу. Он сразу вспомнил Москву и витающий в воздухе запах дележа огромной страны. Теперь ему предлагали принять участие в этом дележе. У него задрожали руки и, чтобы этого не заметили собеседники, он скрестил их на груди. Выждав долгую паузу, медленно произнес:

– Торговля нефтью – дело серьезное. Даже очень серьезное. Я должен посоветоваться с компаньонами. Запишите мой телефон в Харлеме. Через два дня я вам сообщу.

Шемберас достал маленький блокнотик, аккуратно записал номер телефона и сказал:
– В Голландии мы проездом. Завтра улетаем в Россию, но вернемся сюда через десять дней.

– Прекрасно, – ответил Филипп. – Через десять дней мы сможем говорить об этом уже конкретно.

В этот же вечер, позвонив Наде Хольман, он уехал в Харлем. Она не пригласила его на квартиру, а повела в небольшой ресторанчик, расположенный недалеко от дома, в котором жила. Филипп откровенно рассказал ей о встрече с россиянами и неожиданном предложении. У Нади был быстрый аналитический ум. Она сразу оценила ситуацию и сказала:

– Тебе надо легализоваться в Голландии.

– Как? – спросил Филипп. – С советским паспортом этого не сделаешь.

– Давай думать, – сказала Надя.

Филипп почувствовал, что его начинает бить дрожь. Огромное счастье было на расстоянии вытянутой руки, его можно было поймать, засунуть за пазуху, для этого не хватало пустяка: получить право на работу в Голландии. Если бы он был африканским негром или папуасом Новой Гвинеи, он бы получил его в течение нескольких минут. Но Филипп числился русским, а Европа панически боится русских и потому не желает видеть их у себя. Она с удовольствием принимает только русские деньги. И тут он вспомнил кейс Лешека Мочульского. Картинно, как на сцене, хлопнул себя ладонью по лбу и сказал, сверкнув счастливыми глазами:

– Кажется, я нашел выход. Надо позвонить в Варшаву.

На следующий день вечером он уже сидел на Маршалковской с Мочульским. Лешек внимательно выслушал его просьбу и сказал, не скрывая озабоченности:

– С европейским паспортом у тебя будут проблемы. Данные обо всех гражданах Европейского экономического союза имеются на компьютере любого пограничного поста. – Он наморщил лоб, задумавшись на несколько мгновений, и произнес: – А может, тебе сделать канадский паспорт? Тем более что ты прилично говоришь по-английски. Когда мы встретились, я даже подумал, что ты англичанин.

Филипп откровенно обрадовался. Канадский паспорт давал ему немало преимуществ. Не надо было врать, почему он не знает Европу, а Надя не знает английского. В голове сразу выстроилась правдоподобная легенда. Он приехал из Канады в Голландию, встретил здесь Надю, у них возникла любовь с первого взгляда. Россиян такая легенда вполне устроит.

– Когда ты сможешь сделать паспорт? – спросил Филипп.

– Через два дня, – ответил Мочульский. – Но это будет стоить пять тысяч долларов. Такова такса.

«Жулик ты отпетый, – подумал Филипп, – если пытаешься надуть даже своего старого знакомого». Но вслух сказал другое:

– Дорого, конечно. Но ты меня припер к стенке.

Получив паспорт на имя Фила Голби, Филипп долго рассматривал в нем свою фотографию, пробовал пальцем краску на печатях, смотрел их на свет. Потом протянул Мочульскому конверт с деньгами. Тот пересчитал доллары и сказал:

– Счастливого пути.

Надя встретила его в аэропорту Амстердама, на машине отвезла в Харлем на свою квартиру. В этот же день в Харлем позвонил Шемберас. Сказал, что в воскресенье он вместе с Саитовым и еще тремя компаньонами прилетает в Амстердам. Было бы хорошо, если бы Фил встретил их. Они хотят обсудить с ним конкретные предложения.

У Филиппа был один недостаток, на котором его могли легко поймать. Он не умел водить машину. Для западного человека это было просто немыслимо. Когда он сказал об этом Наде, она засмеялась:

– Мы возьмем напрокат микроавтобус. Я буду за рулем, а ты с гостями.

Встречу Филипп обставил на самом высоком уровне. Микроавтобус «фольксваген» забрал гостей от дверей аэропорта. В гостинице их уже ждали готовые номера. Стол в ресторане был накрыт. За ним и состоялся разговор. Россияне предложили открыть в Голландии предприятие по продаже российской нефти. Возглавить его должен Филипп. За это ему отдают четыре процента акций. Остальные будут принадлежать россиянам. Предприятие будет получать из России нефть по шестьдесят долларов за тонну. Продавать для начала по сто двадцать, а потом дороже, поскольку нефть все время растет в цене. Разница будет ложиться на личный банковский счет каждого.

Выслушав предложение, Филипп сморщился. Достал сигарету, неторопливо закурил, потом сказал:

– Четыре процента слишком мало. Вся юридическая, в том числе и уголовная ответственность за деятельность предприятия, будет лежать на мне и тех, кто станет работать вместе со мной. Они тоже должны быть заинтересованы в успехе дела. Я настаиваю на пяти, плюс один процент моей жене. Она будет главным торговым менеджером. Надя немка, у нее обширные связи в Германии, большую часть российской нефти можно будет продавать именно там.

Нагнув над столом головы, россияне шепотом посоветовались между собой и согласились. На следующий день в Амстердаме была зарегистрирована фирма «Сибойл», а каждый из россиян открыл личный счет в голландском банке.

Через два месяца Фил Голби и Надя Хольман купили роскошную виллу на тихой, утопающей в зелени, улочке Амстердама. Деньги из России текли рекой. За неполный год фирма «Сибойл» продала более пяти миллионов тонн нефти. На счет Фила легло двадцать миллионов долларов. В офис Фил и Надя ездили каждый на своем «мерседесе». Отпуск они провели на итальянской Ривьере, зимой на неделю ездили отдыхать в швейцарские Альпы.

Четыре года, за которые капитал Фила Голби увеличился почти до двухсот миллионов долларов, пролетели как один день. Цена на нефть была рекордно высокой, а Европа требовала ее все больше и больше для своей развивающейся промышленности. Чтобы увеличить экспорт, российские компаньоны Фила купили лицензию на разработку нового месторождения. Теперь надо было как можно быстрее начать его эксплуатацию. Для этого требовалось построить нефтепровод.

8

Филу давно хотелось побывать в России. Особенно нестерпимым это желание стало в последнее время. Он стал плохо спать. Увидит во сне белый снег, откроет глаза и лежит, уставившись в темный, задрапированный шелком потолок. Еще хуже бывает, когда приснится собака. Не холеный мраморный дог или откормленный боксер, каких не счесть на улицах Амстердама, а лохматая дворняжка с человеческими глазами, одиноко сидящая у высоких деревянных ворот своего дома и жалостливо смотрящая на Фила. Когда-то, в далеком детстве, у них жила такая собака. Вспоминая ее, Фил бессмысленно хлопает глазами, слушает посапывающую у его бока спящую Надю и чувствует, как сжимается готовое разорваться от тоски сердце.

Казалось бы, он обрел счастье, о котором не смел даже мечтать. Баснословное состояние, красивая, умная жена с прекрасным вкусом и постоянными выдумками. Задрапировать спальню шелком пришлось в голову ей. Она долго выбирала цвет тонкой и нежной на ощупь ткани, наняла лучших драпировщиков, и теперь спальня стала походить на покои королевы. Они объехали с Надей всю Европу, по несколько раз побывали в Париже, Риме и Венеции, облазили все средиземноморские и альпийские курорты. Живи и радуйся. Какая тебе к черту дворняжка, когда аккуратненькая, румяная, словно булочка, горничная в белом накрахмаленном фартуке подает утром в постель горячий шоколад и остуженное кипяченое молоко. При

чем тут дворняжка? А вот надо же, увидит во сне добрые, преданные собачьи глаза и уже лежит, затаившись, до самого утра, боясь разбудить своим дыханием Надю, чтобы она не вспугнула нахлынувшее видение.

Утром Фил стал подолгу сидеть за столом, уставившись в одну точку, или подходить к окну и, сложив на груди руки, молчаливо смотреть в сад, где с непросохших от дождя веток свешивались тяжелые прозрачные капли, а мокрые листья блестели, словно их натерли воском. Чуткая к настроениям мужа Надя, глядя на него, однажды сказала:

– А не скатать ли нам в Россию?

Фил только покачал головой, потому что знает: в нынешней России делать нечего. За последние годы через Европу в Америку волна за волной перекочевали тысячи и тысячи русских. Не пьяницы и лодыри, а ученые с мировыми именами, доктора и честолюбивые кандидаты наук, стоящие на пороге крупнейших открытий или сделавшие эти открытия, но не нашедшие им применения у себя на родине. Америка разбухла от научных идей и суперсовременных конструкторских решений, привезенных русскими. Когда Фил видит этих измученных, не нужных своей стране и потому рвущихся на Дикий Запад людей на вокзалах и в аэропортах, он торопливо проходит мимо, стараясь не встречаться с ними глазами.

Филу не было жалко ни России, ни, тем более, русских. Все, что произошло со страной, они сделали сами своими руками. Но когда несколько дней назад ему позвонил из Москвы Борис Шемберас и попросил прилететь в Россию на важное совещание нефтяной компании, он почувствовал, как трепетно дрогнуло сердце. Надя сразу же поняла это по его изменившемуся лицу.

– Что, надо лететь в Москву? – настороженно спросила она.

– Да, – стараясь быть как можно спокойнее, ответил Фил.

– Я полечу с тобой, – сказала Надя.

Он не удивился ее желанию, потому что чувствовал: ей тоже хочется побывать на своей бывшей родине.

В Москву они прилетели утром. В аэропорту Шереметьево их ждала машина нефтяной компании – новенький, блестящий лаком «мерседес». Услужливый сотрудник компании, которому, очевидно, по протоколу было положено встречать гостей, согнувшись пополам, распахнул дверку. Фил посадил сначала Надю, затем уселся сам.

Москву они не узнали. Она превратилась в иностранный город. Всюду виднелись огромные рекламные плакаты, вывески ресторанов и казино на иностранном языке, яркие, почти как в Амстердаме, витрины магазинов. Выехав на Тверскую, Фил спросил встречавшего их клерка, который сидел рядом с шофером на переднем сидении:

– У нас есть свободное время?

– Конечно, – ответил клерк. – Мне приказано доставить вас в фирму к двум часам. А пока вы устроитесь в гостиницу и немного отдохнете с дороги.

– В какой гостинице мы будем жить? – спросил Фил.

– В «Москве».

На Пушкинской площади Фил попросил остановить машину и сказал клерку:

– Езжайте в гостиницу и ждите нас там. Мы пройдем до нее пешком.

– Вы знаете Москву? – удивился клерк.

– Моя жена была здесь и тоже останавливалась в гостинице «Москва».

Выйдя из машины, он сначала не понял, что произошло с главной улицей столицы. Потом осознал – она превратилась в сплошной торговый ряд. В подземных переходах и прямо на тротуаре стояли киоски, у стен домов какие-то люди продавали с рук товар. Рядом с ними нищие просили милостыню. Одна торговка привлекла его внимание, проходя мимо нее, он замедлил шаг. Судя по фигуре, это была молодая женщина с серым, изможденным, изрезанным глубокими морщинами лицом. Женщина держала в руках несколько пачек сигарет. На ней была

грязная юбка, на голове – белый, подвязанный по-старушечьи платок. Рядом с женщиной с протянутой рукой стояла девочка лет пяти. Фил остановил на женщине свой взгляд и тут же отшатнулся. Это была Дашенька Воронцова, а стоявшая рядом с ней девочка, по всей видимости, ее дочь. Филу хотелось броситься от этого места прочь, но он машинально сунул руку в карман, нащупал несколько стодолларовых купюр, смял их в комок и сунул в ладонь девочке. А сам, не оглядываясь, заторопился дальше по тротуару. Надя с удивлением посмотрела на него, но потом подумала, что все русские жалостливые люди. Они всегда подают милостыню нищим. А Фил так и не понял, узнала его Даша или нет – она пожирала глазами изысканную Надю.

«Господи, – думал Фил, уже издали оглянувшись на Дашу. – До чего же они довели себя. Да случись подобное в Голландии, весь народ вышел бы на улицы, и правительство было бы сметено в течение дня. А здесь все молчат, как будто только и мечтали о такой жизни. Почему? Почему? Наверное, потому, что в стране остались одни рабы, поголовное быдло. Все, кто хоть что-то представлял из себя, давно уехали». До гостиницы он дошел, не поднимая головы, чтобы не видеть глаза тех, кто протягивал руки за милостыней.

И только в гостинице подумал о том, что стоявшая рядом с Дашенькой девочка, по всей видимости, его дочь. Он постарался вспомнить ее лицо, но не смог. Поэтому решил с облегчением: «Если бы это была дочь, я бы ее не забыл. Даша не могла родить ребенка в такое страшное время». Сделав для себя этот вывод, он успокоился и больше никогда не вспоминал ни Дашу, ни девочку.

В офис нефтяной компании они приехали вместе с Надей. Это был роскошный особняк на Пятницкой, отделанный итальянским мрамором, африканским черным деревом и русским мореным дубом. У дверей особняка стояла вооруженная до зубов охрана. Она не давала проникнуть внутрь здания той русской жизни, которая ютилась за его стенами.

Фила и Надю провели на второй этаж в кабинет президента нефтяной компании Хапозэ Ставриниди – просторное, немного сумрачное помещение с массивным широким столом у стены. За ним сидел молодой человек с холеным лицом и короткой прической. Это и был Ставриниди. Он поднялся, вышел из-за стола, протянул руку сначала Филу, потом Наде. Жестом пригласил их к стоявшему в углу дивану, рядом с которым был журнальный столик и два кресла. Очевидно, в этом углу кабинета проходили все приватные беседы. Фил с Надей сели на диван, хозяин кабинета – в кресло. Сначала он внимательно разглядел Надю, затем сказал:

– Я должен выразить вам признательность, как нашим иностранным компаньонам. Мы твердо держимся на рынке нефти, и это в значительной степени помогает благополучию нашего бизнеса. – Все это время Хапозэ Ставриниди не отрывал взгляда от Надиного лица. Затем повернулся к Филу и спросил: – Скажите, мы можем реально увеличить экспорт нефти в ближайшее время? И если да, то насколько?

Этот же вопрос еще два месяца назад Филу задавал Шемберас. Фил тут же связался с потребителями российской нефти, и они в один голос заявили, что могли бы увеличить закупки еще на пять миллионов тонн. Но поскольку Шемберас больше не спрашивал об этом, Фил о результатах своих переговоров ему не сообщал.

Хапозэ Ставриниди, как и многие ставшие богатыми россияне ельцинского времени, говорил на русском почти без акцента. Фил все эти годы играл роль человека, усиленно изучающего русский. Но прежде, чем ответить, он посмотрел на Надю. Она перевела вопрос на английский. По реакции Ставриниди Фил понял, что тот понимает английский.

– Ми вель переговор с наши потребитель, – сказал Фил, как можно больше коверкая слова, – и они ответиль, что готов заключить контракт на пять миллионы.

Фил увидел, как блеснули глаза Нади. Ей до того понравилась игра мужа, что она не могла сдержатъ восхищения.

– Прекрасно, – Ставриниди потер небольшие холеные ладони. – А теперь прошу за тот стол. – Он показал рукой на длинный стол, стоящий у стены.

Все трое поднялись. В это время в кабинет вошли Шемберас, Сайтов и еще несколько незнакомых Филу людей. Кивнув головой Ставриниди и гостям, каждый из них занял за столом свое место. Совещание было коротким и предельно деловым. На нем Фил узнал, что месторождение, на разработку которого компания получила лицензию, еще не оконтурено и окончательные его запасы не установлены. Но, судя по первой скважине, которая дала четыреста тонн нефти в сутки, эти запасы могут быть огромными.

– До весны мы пробурием на нем еще четыре скважины, которые и дадут нам увеличение добычи на пять миллионов тонн в год, – сказал Ставриниди. – Господину Голби и Наде Хольман необходимо заключить с соответствующими фирмами контракты на закупку дополнительной нефти с первого марта следующего года. Нам – как можно быстрее построить нефтепровод для подключения месторождения к магистральной трубе. – Хапоэль Ставриниди посмотрел на Фила и добавил: – Вам, господин Голби, если вы не возражаете, я бы порекомендовал на несколько дней слетать на строительство нефтепровода для того, чтобы посмотреть, в каких условиях добывается наша нефть, и попрактиковаться в русском. Вы уже неплохо освоили его, но дополнительное общение с русскими только поможет в совершенствовании языка. Он вам очень нужен. К тому же побывать на Севере всегда интересно.

Фил посмотрел на Надю. Она опустила веки, давая понять, что с предложением президента компании надо согласиться.

На этом совещание закончилось. Выходя из кабинета, Фил и Надя переглянулись. Их удивило то, что никто из присутствующих не произнес ни слова. Люди приходили сюда только для того, чтобы получить указания. По всей видимости, такова была манера руководства компаний.

На следующий день Надя улетела в Амстердам, а Фил отправился на Север. Прожив в России без малого тридцать лет, он никогда не был в Сибири и не представлял ее настоящих размеров. И только очутившись в ней, начал понимать, какое государство представляла из себя его бывшая родина. Под крылом самолета, а потом под брюхом вертолета простиралась тайга, которой, казалось, не было ни конца, ни края. Вертолет летел довольно низко, из его иллюминатора можно было увидеть гораздо больше, чем из реактивного лайнера. Тайгу постоянно пересекали реки, там и здесь попадались болота и озера. И нигде не было видно ни дорог, ни производственных строений, ни каких-либо признаков человеческого жилья. «Как же они открыли здесь нефть? – удивлялся Фил, глядя на проплывающее внизу пространство. – Да если тут покопаться, можно найти не только нефть, но и уран, и золото, и все, что нужно для сытой жизни цивилизованного человека».

Всю дорогу от кабинета на Пятницкой до тайги под крылом самолета он думал о том, почему Ставриниди решил послать его в Сибирь. Попрактиковаться в русском языке можно было и в Москве, причем гораздо с большей пользой. Такая причина для поездки могла быть рассчитана только на дурачка. Сибирские просторы Филу видеть тоже было не обязательно. Заниматься добычей нефти он не собирается. Его дело – выгодно продавать ее на западном рынке. В то же время такой человек, как Хапоэль Ставриниди, просто так ничего делать не станет. В командировке, безусловно, был какой-то смысл, но какой именно, Фил Голби понять не мог.

Когда вертолет сел на площадку и его лопасти остановились, Фил, слегка покачиваясь, вышел наружу. Полет был и долгим, и утомительным, несколько часов неподвижного сидения сделали ноги непослушными. Его встречал начальник строительного участка Шумейко – высокий, тощий, как жердь, человек с узким длинным лицом и острым взглядом шустрых, все время бегающих глаз. Тут же стояла машина – крытый брезентом, заляпанный по самую крышу грязью уазик. Шумейко представился, проводил Фила к машине.

– Сначала заедем в столовую и перекусим, – сказал Шумейко, раскрывая перед Филом дверку машины. – А потом я покажу вам наше хозяйство.

Фил окинул взглядом болото, у края которого была сооружена вертолетная площадка, посмотрел на высившиеся впереди громадные кедры и глухо произнес:

– Первый делам стройка. Кушать можно потом.

Шумейко пожал плечами, сопя, залез на заднее сиденье машины. Фила посадил впереди. Через полчаса они оказались на трассе будущего нефтепровода, на которой работал всего один бульдозерист Дмитрий Шабанов. Фил не был специалистом в строительных делах, но ему показалось, что если они будут идти такими же темпами, как на этом участке, нефтепровод к назначенному сроку не сдать. К тому же и рабочий класс оказался ненадежным. Бульдозерист начал говорить о какой-то забастовке.

От бульдозериста Фил вернулся к вертолету и попросил провезти его над всей трассой от месторождения до магистрального нефтепровода. После того, что он увидел, опасения только усилились. Вертолет летел над сплошной тайгой, среди которой не было видно не то что трассы, но и тропинки. Правда, на нефтяном месторождении работы шли полным ходом. Сверху было видно, как монтажники разворачивают резервуары, строится установка комплексной подготовки газа, суетятся люди на мостках буровой.

Глядя на все это, Фил наконец-то понял, зачем его послал сюда Ставриниди. Он должен был своими глазами убедиться, что на Запад скоро хлынет дополнительный поток нефти. Привыкший к точным финансовым расчетам мозг Фила тут же подсчитал, что если цена на нефть не упадет (а к этому не было никаких предпосылок), то компания «Сибойл» до конца следующего года заработает дополнительно не менее миллиарда долларов чистой прибыли. Круглая сумма из этой прибыли упадет на счета Фила и Нади. Эти деньги стоили того, чтобы за них побороться.

Вернувшись на базу трубопроводчиков, Фил потребовал от Шумейко после работы собрать всех бригадиров. Уставшие, заляпанные грязью, в промасленных спецовках, они с видимой неохотой потянулись в красный уголок. Он размещался в обшарпанном, но просторном вагончике. В нем стоял бильярдный стол и небольшой телевизор. Бригадиры расселись вокруг стола, в торце которого уже сидел Фил Голби. Бульдозеристов пришлось представлять Димке Шабанову.

Первым говорить начал Шумейко. Он представил иностранца, сказал, что нефтепровод строится для фирмы, которую возглавляет Голби. Они только что облетели всю трассу, и теперь Фил Голби хочет поделиться своими впечатлениями от увиденного. Поднявшись из-за стола, Фил поправил начальника участка.

– Труба строится не для наш фирм, – сказал он, – а для русский страна. Ви полючайт много деньги за ваш нефть. Я продаю ваш нефть в Европа и знаю, сколько доллар полючайт россияне. Я прилетел к вам, чтобы знат, когда ваш нефть придет на Запад. Я должен заключит контракт. Первий тонна этот нефть должен бит в Европа первий марта. Ви успеит закончит стройка?

Если бы Надя слышала, как сейчас говорил Фил, она бы хлопала в ладоши. Никогда еще ему не удавалось так коверкать русские слова, как сегодня. Фил и сам это понимал. Он чувствовал себя настоящим иностранцем.

Но его слова не произвели на русских никакого впечатления. Они достали сигареты, закурили, вагончик сразу наполнился дымом, в нем стало нечем дышать.

– Если черти не слопают, конечно, закончим стройку, – выпуская тугую струю вонючего синего дыма, сказал рыжебородый бригадир сварщиков Васька Шмельков.

– Что значит слопать? – насторожившись, спросил Фил. – Медведь?

– Вы больше слушайте этого балабола, – вмешался в разговор Шумейко. – Никаких медведей тут нет. Если и был какой-то, то сейчас он драпает уже где-нибудь за Енисеем. Трубу к первому марта обязательно сдадим. Я так говорю, ребята?

Шумейко обвел бригадиров взглядом, они согласно закивали головами. Фил понял, что они подтвердят любые заверения своего начальника.

Он внимательно рассматривал бригадиров. Это были коренастые обветренные люди с широкими скулами и крепкими руками. Для них Сибирь и бесконечная тайга, которую он видел сегодня, дом родной. Фил заметил, что бульдозерист поймал его взгляд, прищурился и отвернулся. «Этот что-то затаил в глубине души, – подумал Фил. – Нет, русские действительно загадочные люди. Продадут сейчас всю нефть и другие полезные ископаемые и снова уйдут в леса охотиться и собирать грибы. Цивилизованными эти люди быть никогда не смогут». Бывший гражданин России Филипп Голобейко навсегда стал для нее иностранцем. С этой страной его связывала только нефть, дающая возможность, не работая, получать фантастические прибыли.

Через полчаса Фил улетел в Москву, пообещав зимой еще раз навестить стройку.

9

Димка Шабанов так и не понял, зачем иностранец приглашал бригадиров в красный уголок. Если только за тем, чтобы получить заверение о завершении строительства нефтепровода в срок, то об этом надо было говорить с начальством. От работяг на стройке зависит не так уж много. Для них главное, чтобы не подводила техника и были в достатке строительные материалы – трубы и изоляция. Но, видать, эта стройка очень нужна иностранцам, если они так внимательно следят за ней. В том, что Фил Голби еще не раз прилетит на трассу, Димка не сомневался.

Едва дождавшись конца совещания, он направился в столовую. Кузя терпеливо сидел у ее двери, поджидая хозяина. Увидев Димку, вскочил, завилял хвостом, ткнулся мордочкой в ноги. Димка только чуть приоткрыл дверь, а Кузя уже прошмыгнул к раздаточному окну и уселся перед ним задрав морду.

Зиночка вытерла руки о полотенце, поправила прическу и посмотрела на Димку. В ее глазах светилась нескрываемая радость, лицо сияло, даже крошечные веснушки на носу и ще, казалось, блестели по-особому. И все это делало Зину такой красивой, что Димка, глядя на нее, на некоторое время оторопел. Как же он не замечал ее раньше? Каким ветром занесло эту принцессу на таежную трассу? Есть сразу расхотелось. Переборов невесть откуда появившееся смущение, он спросил:

– Зина, что ты делаешь сегодня вечером?

– Ничего, – сказала сразу вспыхнувшая, как маков цвет, Зина.

– Может, прогуляемся на речку?

– У меня работы много, – Зина замялась и опустила большие, как опахала, ресницы.

Предложение явно смутило ее.

– Если хочешь, я помогу, – услужливо предложил Димка.

– Да нет, не надо. Приходи через час, я к этому времени управлюсь.

– Через час я жду тебя у вагончика, – сказал Димка и выскочил на улицу.

В осеннем воздухе догорали последние дни бабьего лета. Маленькие, круглые листья берез, неслышно шурша, кружились, покачивались и опускались на землю притихшими желтыми бабочками. Длинные нити паутинок, несущиеся неведомо куда, шевелились от малейшего дуновения и постоянно цеплялись за ветки деревьев. Высоко в небе, тревожно гогоча, пронесся на юг запоздалый косяк гусей.

Димка пожалел, что у него не было таких туфель, как у иностранца. Пришлось почистить свои ботинки на толстой вездеходовской подошве, причем воспользоваться для этого сапожным кремом Паши Коровина. Крем Паша дал, но спросил, наморщив лоб, словно пытался отгадать неразрешимую задачку в труднейшем кроссворде:

– Куда это ты выпендриваешься?

– На свидание, сударь, – не в силах сдержать улыбку, сказал Димка. – Разве это не видно?

– Как на свидание? – не понял Коровин.

– А так. – Димка плеснул на ладонь одеколон, помазал им волосы. – Или ты еще не видел дам в нашем Вагон-сити?

– Какие дамы? – не переставая удивляться, пожал круглыми плечами Коровин. – У нас тут одна Зинка, да и та в столовой.

– Вот и соображай, – сказал Димка и вышел из вагончика.

Зина уже ждала его. Она была в джинсах, теплом шерстяном свитере и куртке. Спортивная одежда делала ее на фоне тайги, заляпанных грязью тракторов и экскаваторов необыкновенно элегантной. Димка загляделся на нее, что явно смутило девушку. Они прошли мимо вагончиков, пересекли дорогу, идущую на трассу, и свернули в тайгу.

В ней было сумрачно и прохладно. Солнце уже почти скрылось, оставив над горизонтом пылающую горбушку, осветившую последними багровыми лучами верхушки кедров. На одном из них зацвела белка. Зина задрала голову, но не увидела рыженького зверька. Не отходя от кедров, спросила:

– Кто это там?

– Белка, – ответил Димка.

Он взял Зину за руку. Пальцы у нее были тонкие и горячие, а ладонь маленькой, как у ребенка. Тепло ее руки сразу передалось ему. От этого ощущения он вдруг почувствовал себя словно на первом свидании. Надо было что-то сказать, но слова застряли в самой глубине души и, казалось, не было никаких сил, которые могли бы освободить их. Димка испугался. Ему казалось, что никогда в жизни у него уже не возникнет такого чувства. Ведь он уже пережил его, а оно дается человеку только один раз. Если, конечно, он не обманывает себя.

Много лет назад таким же тихим осенним вечером Димка тоже шел с девушкой, держа ее за руку. Это была Лида Соколова, его одноклассница. Они дружили с ней два года, но в тот вечер оба молчали, каждый по-своему переживая предстоящую разлуку. На следующий день вместе с другими ребятами своего села Димка должен был отправляться на службу в армию. Когда они сели около ограды на лавочку и Димка обнял Лиду, она заплакала, уткнувшись в его плечо.

– Ты чего? – спросил он, глядя ее тонкие, шелковистые волосы.

– Мне будет так плохо без тебя, – сквозь слезы сказала Лида. – Как представлю себя одной, страшно становится. Если будешь близко служить, я к тебе приеду. А ты обязательно приезжай в отпуск.

– Ты мне пиши каждый день, – попросил Димка. – Я тоже буду писать. Так легче перенести разлуку.

– Я тебя так люблю, Дима, – сказала Лида, подняв голову и осторожно поцеловав его в губы.

– Я тебя тоже, – сказал Димка.

В тот вечер ему казалось, что выше их любви нет ничего на свете. Он прижался к Лиде, уткнувшись в ее волосы и ощущая их легкий, еле уловимый аромат. Этот аромат долго и часто вспоминался ему на далеком Сахалине, где Димке пришлось служить два, растянувшихся на целую вечность, года. Он вызывал у него радостные воспоминания о доме и о самом дорогом существе, каким была для него Лида. Сначала они обменивались письмами каждую неделю, потом весточки из деревни стали приходить все реже и реже, пока он не перестал получать их совсем.

Вернувшись домой, он прямо с вокзала хотел зайти к Лиде. Но что-то удержало его. Он увидел Лиду на следующий день. Она шла по улице, толкая перед собой детскую коляску. Увидев Димку, она опустила голову, а он, не поздоровавшись, перешел на другую сторону

улицы. С тех пор у него ни разу не было девушки, от одного вида которой радостно стучало бы сердце и становилось светлее на душе. И вот теперь он снова ощутил это чувство. Ему казалось, что от Зинкиных волос исходил такой же запах, какой он ощущал, прижимаясь когда-то к Лиде.

– Зина, – спросил Димка, помогая ей перебраться через упавшее дерево. – А как ты оказалась у нас на трассе?

– У меня здесь работал отец, – ответила она, опустив голову.

– А где он сейчас?

– Уволился. Заболел и уволился.

– А где у тебя мать?

– В Новосибирске. Но я не хочу к ней. Она пьет. Отец из-за нее тоже стал пить. Я никогда не вернусь домой.

– Не надо говорить так категорично, – заметил Димка. – На родителей можно обижаться, пока они есть. Когда их не станет, сразу поймешь, что такое быть одному.

– Я не знаю... – она пожала плечами и высвободила руку.

Они вышли на берег. Краюшка солнца уже скрылась за деревьями, на небе, холодно поблескивая, появились первые звезды. Вода в реке казалась темной и отсюда, с обрыва, слышалось, как она недовольно бормотала, натываясь сослепу на берег.

– Жутковато здесь, – сказала Зина, глядя на темную воду. – Не то чтобы совсем жутко, но такое ощущение, будто ты попал в первобытную жизнь. Появись сейчас за деревьями медведь, нисколько не удивишься.

Димка вспомнил медвежьи следы, которые видел утром около своего бульдозера, но говорить об этом Зине не стал. Она и без того боится, а узнает про медведя, который бродяжничает около трассы, из вагончика выходить перестанет.

– Какие тут медведи, – с нарочитым пренебрежением сказал Димка. – Они если и были, от одного вида наших тракторов такого драпака задали, на вертолете не догонишь.

– Да я не боюсь, – сказала Зина, на всякий случай подвинувшись к Димке так, чтобы коснуться его плечом, – но если медведь появится, конечно, будет неприятно.

Димка снял куртку, подстелил ее на валежину, сел и потянул за руку Зину. Она послушно села около него.

– А куда ты поедешь, когда построим нефтепровод? – спросил Димка.

– Еще не знаю, – Зина пожала плечами и положила маленькие руки на колени. – Недавно получила от подруги письмо. Она устроилась на завод контролером, проверяет какие-то детали. По-моему, это так неинтересно. Каждый день одно и то же. Мне кажется, там и разговоры у людей всегда об одном.

– Я на заводе не работал, – сказал Димка. – До армии был трактористом, после армии перешел на бульдозер.

– А где ты живешь?

– На Алтае.

– Может быть, и я поеду на Алтай.

Он осторожно обнял Зину за талию, она не отстранилась. Только повернула к нему лицо, он увидел ее большие темные глаза и почувствовал на своей щеке горячее дыхание. Широкой ладонью Димка прижал девушку к себе и сразу услышал, как испуганно и торопливо забилося ее сердце. И еще он почувствовал упершуюся в него упругую, словно гуттаперчивый мячик, грудь, нагнувшись, нашел своими губами Зинкины губы и попытался поцеловать ее.

– Не надо, – сказала она, торопливо вывернувшись из его объятий. – Я не люблю этого. Я хочу, чтобы отношения между мужчиной и женщиной были чистыми и высокими.

– Мы с тобой сидим на земле, а выше нас только звезды, – ответил он.

– Ну вот, ты шутишь. – Она уперлась руками в валежину и отодвинулась от Димки. – А для девушки главное быть чистой. Кроме этого у нее ничего нет.

– Не думал, что ты такая старомодная, – остывшим голосом сказал Димка, в котором вдруг начало подниматься раздражение. Он хотел только поцеловать ее, ничего иного у него и в мыслях не было. – Сейчас жизнь совсем другая.

– Как по телевизору? – она подняла на него настороженные глаза.

– В том числе и по телевизору.

– Я, Дима, считаю, что лучше быть старомодной, чем такой, каких показывают по телевизору.

– Почему?

– Насмотрелась грязи, на всю жизнь хватит. Поэтому и телевизор не включаю.

Димке вспомнился Новосибирск, городская гостиница, где ему летом пришлось переждать несколько дней перед отлетом на трассу. Лететь надо было специальным рейсом, но его почему-то все время откладывали. Измучившись от безделья, Димка не знал, куда себя деть. Вечером пошел в ресторан. Свободных столов не оказалось, но за одним, где сидели две девушки, было два незанятых места. Он подсел к ним и в ожидании официанта стал разглядывать соседок по столу. Одна была маленькой, черноволосой, с желтыми глазами, обведенными голубой тушью. Она держала в тонких пальцах длинную сигарету, конец которой был выпачкан губной помадой.

Ее подруга являла собой полную противоположность. Стройная блондинка с высокой прической, большими голубыми глазами, обрамленными длинными черными, загнутыми кверху ресницами. На столе стоял графинчик с вином и две тарелочки с сыром. Димка решил, что не выпить в этой ситуации просто неудобно. Он заказал коньяк, отбивную и чашку кофе. После трех рюмок коньяка весь мир показался ему прекрасным, а девушки просто замечательными.

– Завтра утром я лечу на Север, – сказал он, переводя глаза с брюнетки на блондинку. – Вы никогда не были там?

– Нет, – сказала брюнетка, выпуская на Димку струю сигаретного дыма. – Там холодно, а летом много комаров.

Димка помахал рукой, отгоняя дым, и спросил:

– А почему вы пьете вино? Давайте лучше выпьем коньяку.

– Вы нам его не предлагали, – сказала блондинка, повернувшись к нему.

– Прошу прощения за бестактность. – Димка взял бутылку и налил коньяк в их рюмки.

Потом он заказал еще одну бутылку. А когда ее выпили, предложил блондинке посмотреть комнату, в которой он остановился. Она согласилась. Они взяли у официантки бутылку шампанского и поднялись наверх. Брюнетка осталась в ресторане.

Блондинку звали Нина. Шампанское пришлось с ней пить из граненых стаканов, другой посуды в гостиничном номере не оказалось. Но это не мешало им говорить о пустяках и, смеясь, все время смотреть в глаза друг друга. Взглядом иногда можно сказать гораздо больше, чем словами. Он мысленно задавал вопрос, глядя на нее, она отвечала. И никаких слов для этого не требовалось. Когда было допито шампанское, они молча улеглись на кровать. Но Нина тут же встала, открыла окно и, глядя на улицу, стала вытаскивать заколки из своей прически. Димка, лежа на постели, все это время смотрел на нее и слушал, как гудят машины, проезжая под окнами гостиницы.

Проснулся он оттого, что стало холодно и онемела рука, на которой лежала Нина. Он осторожно, стараясь не будить подругу, вытащил руку, встал и на цыпочках прошел к столу. Посмотрел на часы: было шесть утра. Через два часа должен улетать самолет на Север. Он подошел к Нине. Она спала, раскинув руки, одеяло сползло с ее груди, из-под рубашки торчали маленькие, аккуратные розовые соски. Нина была красивой. Димка нагнулся и поцеловал ее в сосок. Она открыла глаза и сразу же натянула на себя одеяло.

– Мне пора идти, – сказал он. – Иначе опоздаю на самолет.

– Я сейчас встану. Только ты выйди из комнаты.

Димка немного удивился тому, что вчера она ничего не стеснялась, а сегодня ее охватило смущение. Он оделся и вышел. Дежурная по этажу сидела за столом и, не поднимая головы на постояльцев, внимательно изучала толстую амбарную книгу. Когда Димка вернулся в комнату, Нина стояла у зеркала и поправляла пальцами прическу. На улице они простились. Он знал, что больше они никогда не встретятся, поэтому не спросил ни адреса, ни фамилии. Лишь притянул к себе за плечо, поцеловал в щеку и сказал: «Спасибо за все. Ты была прекрасна»...

Нина была опытной женщиной, по всей видимости, немало повидавшей на своем веку. По сравнению с ней Зина выглядела девочкой-подростком, обидеть которую не позволяла совесть. Да Димке и не хотелось ее обижать, у него было совсем другое настроение. Он получал удовольствие от того, что она была рядом.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь о чистоте? – спросил Димка и снова взял ее за руку.

– Чисто – это любовь, – сказала Зина. – А все остальное не имеет к ней никакого отношения.

– Для мужчины и женщины все важно, – ответил Димка, стараясь быть серьезным. – Любовь – это не только поцелуи.

– Вот и целуйся с кем-нибудь другим, – сказала Зина и встала.

Димка тоже встал, прижал ее к груди и сказал:

– Ты славная, Зина. Ты мне очень нравишься.

И снова слышал, как застучало ее сердце.

10

Через неделю на трассу прибыли еще два бульдозериста. Одного из них, Геннадия Петровича Панова, поселили в вагончик к Димке. Был он пожилой, почти совсем седой, и Димка удивлялся, как это он до сих пор работает на бульдозере. В тайге, в отрыве от семьи и цивилизации, в большинстве своем остаются только молодые.

– А ты не смотри, что я такой старый, – сказал Панов, когда Димка спросил, сколько ему лет. – Я на всех трассах побывал. Еще нефтепровод Самотлор – Альметьевск строил.

Был он степенный, говорил не торопясь, а если начинал что-то делать, то заранее прикидывал, как обойтись без излишней затраты сил.

– В нашем деле семь раз отмерь, один раз отрежь, – постоянно повторял он. – Головоотяпов у нас хватает. Один раз мне выдали отметку, я расчистил трассу, а потом оказалось, что она на полкилометра в сторону ушла.

Паше Коровину Панов не понравился сразу.

– Еще один появился, – сказал он. – Теперь каждый вечер воспитывать будет.

К старости человек укореняется в своих привычках и изменить им бывает выше его сил. Геннадий Петрович вставал, как по будильнику, ровно в шесть, натягивал штаны, надевал домашние тапочки, которые специально привез с собой, и в одной майке выходил в тамбур. Растапливал печку, грел воду и садился бриться. Побрившись, умывался тоже теплой водой, потом надевал рубаху и теплую жилетку. Так он и отправлялся завтракать.

Позавтракав, Панов заглядывал в окно к Зиночке. Та заворачивала ему в салфетку две котлеты и два куска хлеба, в поллитровую бутылку наливала компоту. Все это Геннадий Петрович брал с собой на обед. Сложив провизию в сумочку, шел будить ребят. Он осторожно дотрагивался до плеча Димки и говорил:

– Вставайте, орлы, время завтракать.

Димка открывал глаза, садился на кровать, раза два вытягивал руки вверх, изображая, будто поднимает тяжелые гири. Затем босой ногой начинал искать носки, оставленные с вечера у кровати.

Коровин вставал всегда с неохотой, свешивал босые ноги на пол и долго тер кулаками глаза. Лениво натягивая рубаху, он зевал и обычно говорил:

– Ну и сон же мне сегодня приснился...

– Будто ты едешь на собственной «Волге» по автотрассе Москва – Стамбул, – влезал в Пашин рассказ Димка, – а впереди ишак.

Димка всегда что-нибудь придумывал. Поэтому Коровин переставал зевать и, ожидая очередного подвоха, настороженно спрашивал:

– Ну и что?

– Ты жмешь на все железку, – как ни в чем не бывало продолжал Димка, – а ишака обогнать не можешь.

– Ну и что? – уже раздраженно спрашивал Коровин.

– А потом оказывается, что ишак везет твою «Волгу» на буксире.

– Сам ты ишак! – Коровин вскакивал с кровати, натягивал брюки и, намотав на портянку, долго не мог попасть ногой в сапог.

– Сам ты ишак! – повторял он еще раз и уходил умываться.

– Зря ты над ним так шутишь, – покачивая головой, говорил Геннадий Петрович.

– Он действительно спит и во сне видит «Волгу», – оправдывался Димка.

– А что в этом плохого? – замечал Геннадий Петрович. – На свои же заработанные хочет купить.

Панов жалел всех подряд. Димка думал, что у него это от возраста, и старался не спорить.

Коровин никогда не ждал Димку завтракать. Умывшись, он сразу уходил в столовую, и когда Димка приходил туда, Паша уже кончал есть. Шабанов подходил к раздаточному окну, видел веснушчатое Зинино личико, ее радостные, светящиеся глаза и тут же забывал о Коровине.

– Как тебе сегодня спалось? – спрашивал он, и его глаза тоже начинали радостно светиться. – Медведи не тревожили?

– Один во сне пытался облапать, – опустив глаза и пряча появившуюся на губах улыбку, говорила Зина. – Я его так шуганула, до сих пор бежит. Не слышишь, как тайга трещит?

– А я-то думал, почему мне всю ночь не спалось? – отвечал Димка. – Сегодня приду тебя охранять. Так нам обоим спокойней будет.

– Избави меня Бог от такого спокойствия, – Зина подавала Димке завтрак и отворачивалась от раздаточного окна.

– Тогда ты приходи, – говорил Димка. – Паша тебя стесняется, поэтому ночью храпеть не будет.

На этом обмен шутками заканчивался. Рабочий день начинался с восьми. Но в половину восьмого все уже были около машины. За последние дни трасса продвинулась вперед. Бульдозеристы работали на восьмом километре, экскаваторщики на третьем. И на работу их теперь возили всех вместе на грузовике. Коровин всегда старался попасть в кабину. И, если ему это не удавалось, он сердился, с ворчанием лез в кузов и садился на скамейку в самом углу.

Было начало октября. По утрам уже сильно подмораживало, березы и осины сбросили листву, она желтыми пятками лежала на мху, и ветер, не жалея, разбрасывал ее по трассе. На край леса в предутренних сумерках вылетали глухари побродить по песку, запастись на зиму камешками. Скоро они перейдут на зимний корм – хвою сосен и кедров, и перетереть такую пищу в желудке без камешков будет невозможно. Кое-кто из ребят уже добывал их, и Димка на этот раз прихватил с собой ружье Гудкова.

Он вылез из машины около своего бульдозера, Геннадий Петрович подал ему ружье и обед в полиэтиленовом пакете. Димка осторожно взял все это и положил в кабину. С Пановым работалось легко, они как бы соревновались друг с другом, и день пролетал незаметно. Как только на трассе появился Панов, Димка стал оставлять на день Кузю Зине. С напарником в тайге не было скучно.

«Хороший старик, – думал о нем Димка, – хотя и много ворчит. Зато никогда не жалуется на свою судьбу. Побольше бы таких стариков на трассу».

Обедал Димка вместе с Пановым. Они сидели на поваленном кедре и молча жевали холодные котлеты, запивая их компотом. В верхушках деревьев, непрерывно перебирая ветки мягкими, невидимыми руками, шумел ветер. Он осыпал на землю последние, самые цепкие листья, еще каким-то чудом задержавшиеся на редких березах, и стряхивал с кедров пожелтевшую, состарившуюся хвою. Подняв голову, Панов прислушался к верховому шуму тайги и сказал:

– Хорошо тут. Больше всего люблю тайгу в это время. Ни тебе комара, ни мошки – благодать!

– А мне и тайга надоедает, и жизнь на колесах, – сказал Димка. – Иногда и на футбол сходить хочется, и в ресторане посидеть тоже.

– Тебе, может, и хочется, – отпив из бутылки большой глоток компота, сказал Панов. – А у меня три дочери – и все учатся. И жена не работает. Всех накормить, одеть-обуть надо. Вот и мотаюсь по трассам. В городе столько не заработаешь. – Он помолчал немного и добавил: – Да и работы в городе нет. Заводы позакрывали, стройки стоят.

Димка с удивлением посмотрел на Панова. Он думал, что у того уже давным-давно должны быть внуки, а оказывается, его дочери еще учатся в школе.

– Сколько же тебе лет, Геннадий Петрович? – спросил Димка, глядя на серебристую голову напарника.

– Сорок девять. До пенсии еще пахать да пахать.

– А мне двадцать семь, – сказал Димка.

– Я в это время еще только женился. – Панов опустил голову, осторожно стряхнул с колен хлебные крошки и задумчиво сказал: – Здесь я при деле, а дома не знаю, куда себя деть. Слоняюсь из угла в угол, словно и заняться нечем. Последний раз со старшей дочерью поругался.

– А чего с ними ругаться? – Димка вздохнул, вспоминая сестру. – Они сейчас рано становятся самостоятельными. Я никак их понять не могу. Чего-то хотят, а чего – не знают сами.

– Мозги жевательной резинкой забиты, – сказал Панов. – Ни семья, ни дети не нужны. Одни деньги.

– Без денег тоже не проживешь, – заметил Димка.

– Знаешь, что я тебе скажу, – Панов вытянул ноги, положил руки на колени и в упор посмотрел на Димку. – Не в деньгах счастье. Деньги в человеке душу убивают. Это только говорят, что они не пахнут. Еще как пахнут, даже смердят. Особенно если они нечестные. Какое счастье от денег, если у тебя нет ни семьи настоящей, ни детей? Для чего они? Для того, чтобы вдоволь есть, пить, покупать на ночь срамную бабу? Много ли счастья от этого?

– А в чем оно, счастье? – спросил Димка.

– В душевной близости человека с человеком. В любви мужчины и женщины. Не в сексе, как сейчас говорят, а в том, что ты глаз оторвать от нее не можешь, каждое дыхание ее ловишь, чувствуешь запах ее кожи и ощущаешь, что от этого сердце не просто замирает, останавливаться начинает.

Панов говорил так красиво, что Димка на некоторое время даже замер. Потом спросил:

– Наверное, Геннадий Петрович, ты по жене шибко соскучился?

– По жене я всегда скучаю. И по дочкам тоже. – Панов хлопнул Димку по плечу. – С семьей мне повезло. Тут у меня все в порядке.

– А с чем не повезло? – Димке вдруг захотелось узнать о своем напарнике подробности, о которых он раньше и не думал.

– По трассам мотаться приходится. Девчонки живут по сути дела без отца. Да и жена восемь месяцев в году как мать-одиночка. Разве это нормально?

Панов достал сигарету, закурил и пристально посмотрел на Димку. Тот опустил глаза и попытался ногтем отщипнуть кусочек коры кедра, на котором они сидели. Димке вспомнился иностранец в блестящих штиблетах, приезжавший недавно на трассу. «Живет в чистенькой Европе, не знает ни нашей грязи, ни северных комаров, похожих на разъяренных зверей, – подумал Димка, – и только отсчитывает миллионы, которые текут к нему по трубе из нашей сибирской земли. А мы тут за несчастный кусок хлеба жилы вытягиваем, и все для того, чтобы он богаче стал». От этих мыслей Димке даже работать расхотелось.

Ветер все так же шумел в верхушках деревьев. Скупое осеннее солнце уже только светило, но не грело. Димка повернулся в ту сторону, откуда начиналась трасса. И вдруг увидел, как прямо на него, по-куриному быстро махая куцыми крыльями, летит глухарь. Перелетев бульдозеры, он сел на кедр, ветка прогнулась под его тяжестью, и глухарь закачался на ней, как на пружине. Димка тут же присел на корточки и, не поднимая головы, стал пробираться к бульдозеру, где лежало ружье. Он уже потянул руку к кабине, когда услышал громкий окрик Геннадия Петровича:

– Оставь его!

Димка сначала не понял, чего хочет напарник, но тот повторил уже с раздражением в голосе:

– Оставь глухаря! Пусть летит.

Димка выпрямился и, повернувшись, направился к Панову. Глухарь, увидев идущего человека, с шумом снялся с ветки и скрылся за деревьями.

– Пусть летит, – уже мягче повторил Панов, поднявшись и провожая глухаря взглядом. – Может, это последний, которого мы видим.

Но Димка еще весь горел азартом, поэтому с горечью сказал:

– Зря ты так, Геннадий Петрович. Я бы его добыл.

– Зачем тебе нужен этот глухарь? – спросил Панов. – Ты что, с голоду умираешь? Я в тайге много лет работаю, в разных местах был, а глухарей всего несколько раз видел. Может, этот действительно последний.

– Странный ты человек, Геннадий Петрович, – не переставал сокрушаться Димка. – Столько всего за свою жизнь повидал, а глухаря жалеешь.

– Знаешь, Дима, сынок ты мой, – Панов положил широкую, тяжелую ладонь на его плечо. – Мы обо всем жалеть поздно начинаем. Нужно все делать так, чтобы потом не раскиснуть. Нефть уже всю продали. Теперь давай глухарей изведем. Что же тогда нашим детям достанется?

– Гудков трех глухарей за эту осень убил. Зина их готовила ему и Шумейко.

– Нашел, кому завидовать, – криво усмехнулся Панов. – После таких, как Гудков с Шумейко, на нашей земле пустыня и остается.

Димка в ответ на его слова только махнул рукой. Повернулся и размашистым шагом пошел к своему бульдозеру.

...Вечером к ним в вагончик зашел начальник участка Шумейко. Постоял около дверей, окидывая жилое помещение цепким взглядом, потом прошел к столу, сел на табуретку. Геннадий Петрович в это время, стоя на коленях, укладывал в тумбочке свои вещи. Увидев начальника, поднялся, сел на кровать.

– Далеко ушли? – глядя на него, спросил Шумейко.

– Да где далеко? – махнув рукой, ответил Панов. – На километр, не больше.

– А чего это вы у нас о работе спрашиваете? – влез в разговор Паша Коровин. – Вам ведь Гудков каждый вечер докладывает.

– Гудков Гудковым, а я хочу спросить у вас, – ответил Шумейко. – Мне сегодня заказчик звонил, у них наша стройка на особом контроле.

– Вы бы у них денег побольше попросили, – сказал Паша. – Я на этой стройке уже вторые сапоги донашиваю – и все за свой счет.

Он выставил ногу в новом кирзовом сапоге, покрутил носком. Шумейко мельком взглянул на сапоги и, не задержавшись на них, снова спросил Панова:

– Вы там, на трассе, елку случайно не видели?

– Зачем вам елка? – удивился Димка.

– Мне надо хорошую елку, метра четыре высотой.

– К Новому году готовитесь? – попытался съязвить Коровин.

– Ну, вот видишь, какой ты догадливый, – сказал Шумейко. – Скоро морозы начнутся, я сегодня месячный прогноз погоды получил. Сейчас бы хорошо елку спилить да вкопать ее у нашей конторы. Она бы до Нового года как свеженькая стояла.

– Нам – елку? – удивился Паша и, нагнувшись, посмотрел в глаза начальника участка, словно хотел удостовериться: уж не случилось ли чего у того с головой?

– Именно вам, – серьезно ответил Шумейко. – Мы на нее лампочки повесим, такие гирлянды будут... Какой же Новый год без елки?

Панову эта затея понравилась сразу. Поэтому он сказал:

– Завтра посмотрим. Если где поблизости растет, срубим и привезем.

Шумейко ушел. Димка встал с табуретки, подошел к окну. Над верхушками кедров светила узкая светлая полоска, по верхнему краю которой клубились черные облака. Огромная оранжевая луна, пытаясь подняться над деревьями, запуталась в кронах и, не в силах выбраться из них, отбрасывала на небо желтый свет. На ее фоне деревья просвечивали четко очерченными черными силуэтами.

Димке почему-то вспомнился родной Алтай, неоглядная кулундинская степь, над которой осенними ночами тоже всходит такая же огромная оранжевая луна. И степь, тускло освещенная ее светом, тоже кажется неземной и таинственной. «Господи, как там в летнюю жару звенят кузнечики, – подумал он. – Воздух и так накален до такой степени, что кажется: дотронуся до него рукой, и он зазвенит. А они стрекочут и стрекочут. Я уже несколько лет не слышал их пения. А осенью, когда едешь полевой дорогой, степь пахнет полынью и созревшими хлебами. Я отвык от этого запаха и забыл, как растет хлеб».

У него сжалось сердце от воспоминаний по родному земному уголку, он закрыл глаза и качнулся, приподнявшись на носках. А когда открыл глаза и снова посмотрел в окно, луны уже не было. Там, где еще мгновение назад она светила огромным оранжевым кругом, сгустилась крошечная тьма. Лишь недалеко от деревьев вырисовывался желтый квадрат окна столовой. Зина, по всей видимости, еще была там. Димка натянул куртку и пошел в столовую.

Зина чистила картошку, бросая ее в наполненную водой огромную алюминиевую кастрюлю. Обернувшись на стук двери, она увидела Шабанова. Тут же встала, положила нож на стол, вытерла руки о передник.

– На дворе уже ночь, а у тебя свет горит, – оглядывая ее, сказал Димка. – Думаю, дай проверю.

– Я уже закончила, сейчас иду к себе, – ответила Зина, развязывая на спине тесемки передника.

Она аккуратно свернула его, положила на стол рядом с ножом, натянула на себя легкую курточку. Шагнув за порог столовой, Зина зябко передернула плечами и сказала, приложив ладони к щекам:

– Ух, как здесь холодно.

– Сейчас я тебя согрею, – сказал Димка, расстегнув куртку и накрыв девушку полкой.

Она не противилась. Он нагнулся и осторожно поцеловал ее в голову. Зина сделала вид, что не заметила поцелуя. Тогда он обнял ее за шею, прижал к себе и поцеловал в губы.

– Ну, вот еще! – сердито сказала Зина и попыталась вырваться. Но то ли Димка держал ее крепко, то ли она приложила мало усилий, вырваться ей не удалось.

А Димка между тем поцеловал ее еще раз. Тучи, закрывавшие луну, расплзлись и ее медный диск наконец-то приподнялся над вершинами кедров. В лунном свете засеребрился воздух, выплыли четкие квадраты вагончиков, расставленные по периметру ровной прямоугольной площадки. Зинкин вагончик оказался совсем рядом.

– Пойдем, я провожу тебя до него, – сказал Димка. – А то ты действительно замерзнешь.

11

Притаившись в тени молодого подростка, медведь долго смотрел на поваленный кедр, лежавший на склоне небольшого, крутолобого взгорка. Вывернув пласт земли, за которую дерево держалось корнями, оно не оторвалось от нее. Нижние корни все так же цепко хватались за почву, подпитывая соками ствол. По этой причине кедр не потерял хвою. Она была зеленой и густой, особенно на вершине. Под этой вершиной и располагалась берлога медведя. Не отрывая взгляда от упавшего кедра, он настороженно слушал тайгу, пытаясь уловить в ее монотонном шуме непривычные звуки.

Медведь шел сюда медленно, постоянно поднимая морду и поводя кончиком носа, чтобы понюхать воздух и прислушаться. То, что он увидел на берегу, ошеломило его. Под напором железного чудовища, извергавшего из трубы отвратительный синий смрад, содрогаясь и осыпая землю шишками, рухнул столетний кедр. Берег был заставлен вагончиками, между которыми суетились люди. Они вероломно вторглись на чужую территорию обитания, и теперь было видно, что изгнать их отсюда уже не удастся. Дав волю эмоциям, медведь направился вглубь тайги, где не было ни людей, ни смрада.

Несколько раз он выходил на крутоярье реки, где, задирая морду, снова принимался, стараясь обнаружить непрошеного соперника. Но ни машинной вони, ни запаха другого медведя здесь не было. На некоторых кедрах он видел лишь свои собственные отметины. Там, где, поднимаясь на задние лапы, он делал когтями царапины, выступила янтарная смола.

Обследовав берег, медведь вышел на гриву и залег в островке молодого сосняка. Отсюда хорошо просматривалось пространство. День был пасмурным, но безветренным. Малоподвижный воздух перемещался верхом, в кронах деревьев, его неслышное дуновение лишь изредка достигало земли. В такую погоду можно было полагаться только на зрение и слух. Но при каждом дуновении воздуха медведь напрягал и обоняние. Он напряженно ждал встречи с невидимой опасностью и заранее готовился к ней.

Однако тайга была на удивление спокойной. За несколько часов лежки он постоянно слышал лишь хриплый крик кедровки. По всей видимости, птица не могла удержать шишку во время полета и, уронив ее, плакала от обиды. Где-то далеко деловито постукивал по сухой лесине дятел, выискивая белых, жирных гусениц короеда. Однажды совсем рядом с медведем зацвокала белка. Он насторожил уши, жадно прислушиваясь к окружающему пространству, но не обнаружил ничего подозрительного. Единственное, что не давало ему покоя, это постоянный писк бурундуков у росшего в отдалении кедра.

Уже перед самым вечером медведь встал с лежки, намереваясь пройти до ягодных мест, где он кормился все эти дни. Проходя мимо кедра, он увидел сидевшего на поваленной лесине бурундука, щеки которого раздулись от спрятанных за ними орехов. Заметив медведя, бурундук пискнул и торопливо шмыгнул под кедр. Медведь, вытянувшись пластом, попытался при-

хлопнуть его лапами, но бурундук успел заскочить в нору. Медведь сунул в ее вход морду и задвигал кончиком носа. Учув запах добычи, он, сопя и роняя слюну, начал разгребать землю когтями. Мощными рывками передних лап он выгребал ее себе под брюхо, а затем задними отбрасывал далеко от кедра. Медведь работал со свирепой настойчивостью. Поняв, что нора уже не может защитить от грабителя и убийцы, бурундук попытался выскочить из нее. Но это ему не удалось. Медведь придавил его тяжелой лапой и затем, чуть приподняв ее, схватил бурундука зубами. Тот не успел издать даже последнего писка.

Расправившись с бурундуком, медведь начал разрывать нору дальше. Вскоре он добрался до кладовой. Маленький бурундук оказался запасливым зверьком. Готовясь к долгой северной зиме, он натаскал в широкий и просторный отнорок целую кучу отборных кедровых орехов. Уткнувшись в них носом, медведь, чавкая и хрустя скорлупой, начал с жадностью поедать их. Когда большая часть орехов была съедена, медведь, фыркнув, приподнялся и потряхнул головой, пытаясь освободиться от прилипшей к морде земли. Потом потерся носом о переднюю лапу и, поднявшись во весь рост на задних, насторожился. Ветер все также шумел в верхушках деревьев, работающий дятел в отдалении продолжал деловито стучать по сухостойной лесине. Постояв несколько минут, медведь покрутил головой, оглядывая окрестности, опустился на землю и двинулся дальше.

Осень в этом году выдалась сухой и щедрой. Под каждым кедром валялись шишки, поляны были усеяны черникой, а склоны грив краснели от брусники. Она уже начала темнеть и осыпаться на землю, но жировать на ней еще можно было вовсю. Медведь быстрым, размеренным шагом вышел к своим брусничным местам. День клонился к закату, багровое солнце уже коснулось своим краем деревьев, и они отпечатали на земле длинные черные тени. Медведь остановился в тени на гриве, не решаясь выйти на открытое пространство. И снова задвигал кончиком мокрого носа, стараясь уловить все запахи, доносившиеся до гривы.

На брусничных местах было спокойно. Лишь однажды из брусничника высунулась маленькая рыжая головка с крошечными круглыми ушами и тут же скрылась, припав к земле. Это был колонок, вышедший на вечернюю охоту. Медведь скользнул по нему взглядом и тут же насторожился. На другой стороне гривы раздался еле слышный топот копыт. Медведь прильнул к земле, положив голову между лап и повернув уши в сторону топота. По звуку копыт и еканью селезенки он сразу определил, что бежит крупный сохатый. Осторожно, по кошачьи, медведь выполз на край гривы. Огромный, казавшийся в сумраке почти черным, лось в красивых белых чулках торопливой рысью шел по дну лоштинки. Широкие красивые рога величественно покачивались над его крупом, селезенка, в такт шагам, екала в подреберье. Не замечая опасности, он проломился сквозь молодой сосняк и исчез в густеющей темноте. Медведь встал и, замерев, долго смотрел в ту сторону, куда удалился лось. Но в лесу уже не было слышно никаких звуков. Пробежавший зверь бесследно растворился в тайге.

Ночью медведь кормился на бруснике, а перед рассветом снова залег на гриве в надежде встретить сохатого. Но за весь день мимо не прошло ни одного лося. Между тем погода изменилась. Ветер с западного повернул на северный и принес в тайгу первые запахи стужи. Вечером в холодном воздухе замелькали похожие на лебяжий пух легкие снежинки. Медведь знал, что они еще только предвестники зимы, настоящие холода начнутся позже, когда каждое утро на траве будет появляться иней, но инстинкт потянул его к берлогу. Он пошел к ней утром.

Полдня медведь ходил на почтительном расстоянии от поваленного кедра, принохиваясь и настороженно оглядывая тайгу. Он искал следы человека, но не обнаружил их. Натыкался на запахи колонка, белки, соболя, однажды невидимой тенью недалеко от него проскочила вспугнутая россомаха. Но следов человека здесь не было. Как, впрочем, и следов сохатого. Наткнувшись на людей, лоси, очевидно, сменили место осеннего перехода через реку. Теперь надо было заново искать его.

Вечером медведь решил обследовать берлогу. Но когда он уже был в нескольких метрах от нее, издалека послышался странный нарастающий шум. Он быстро приближался, все время усиливаясь. Услышав его, медведь метнулся в подлесок и затаился. Низко над деревьями летел вертолет, оглушая тайгу звенящим рокотом. Когда он пролетел над берлогой, медведь почувствовал в воздухе ту же смердящую вонь, что и на берегу около вагончиков. Пропустив вертолет, он поднялся и крупной, торопливой рысью поспешил на север. Он понял, что в этой берлоге оставаться на зиму нельзя. Она оказалась очень близко от людей.

Он шел все дальше и дальше, приближаясь к северной границы своих владений. Места здесь были хуже, чем у берлоги, здесь не было кормежки. Брусничник рос мелкими редкими кустиками, черника не попадалась вообще. Правда, на окраине соснового массива начиналось кочковатое болото, поросшее клюквой. Медведь вышел к нему, долго и внимательно осматривал каждую кочку. На этом болоте он не кормился ни разу, поэтому сюда могли забредать медведи с соседней территории. Но ничего подозрительного он не заметил. Клюквы на кочках было мало, хотя она и уродилась крупной. Весной, после спячки, когда она будет особенно сладкой, ее хватит на две-три кормежки.

Он прошел немного по сосняку и вышел к широкому, говорливому ручью. По его берегам, покрытым густой, еще зеленой травой, стояли березы и заросли мелкого осинника. Однажды медведь уже переходил на другую сторону ручья и сразу же наткнулся на свежие отметины другого медведя. Судя по царапинам на деревьях, это был могучий и сильный зверь. Вступать с ним в драку было опасно, к тому же медведю хватало и своей территории, поэтому он, не дожидаясь встречи с хозяином, вернулся назад. Сейчас, стоя в кустах, медведь смотрел на противоположный берег. Потом, скрываясь за деревьями, прошел краем опушки к осиннику. И сразу почувствовал резкий, свежий запах лосей. Совсем недавно они кормились в осиннике и сейчас, по всей вероятности, отдыхали где-то рядом.

Медведь вышел на след и, постоянно прихвываясь и поднимая голову, осторожно двинулся по нему. Он увидел лосей на краю болота в малорослом густом сосняке. Это была самка с двумя годовалыми телятами. Медведь остановился, поводя кончиком носа, чтобы определить, откуда дует ветер. Запаха лосей не доносилось, значит, ветер, хотя и очень слабый, дул от него. Медведь тут же свернул со следа, пока лоси не учуяли опасность, и, припав к земле, пополз к сосняку кромкой леса. Лоси стояли спокойно, лишь изредка поводя ушами.

Медведь полз на животе, иногда замирая и вжимаясь в землю, потом осторожно приподнимал голову и, не сводя глаз с добычи, снова полз. Между сосняком и лесом росли высокие кочки, и лоси не видели приближающегося хищника. Но вдруг лосиха насторожилась. Она нервно переступила с ноги на ногу, повернула голову в сторону леса, ее большие уши зашевелились. Медведь замер, прижавшись к земле и затаив дыхание. Трава была усеяна упавшими листьями, бурая шерсть сливалась с ними. С минуту лосиха, прислушиваясь, смотрела в сторону леса, потом успокоилась. Медведь снова пополз. Он подобрался к сосняку почти на расстояние прыжка. И тут лосиха учуяла его. Ломаю молодые сосенки, она испуганно шарахнулась на открытое пространство.

Медведь, словно пружина, вылетел из-за кочек. Если бы не молодые деревца, лоси могли бы взять с места хорошую скорость. Но сосенки, хотя и немного, затормозили их движение. Когда они выскочили на болото, медведь оказался рядом с ними. Лоси, задыхаясь и бешено вращая остекленевшими от страха глазами, рванулись вперед. Медведь поравнялся с бычком, бежавшим последним, несколько десятков метров пролетел, почти касаясь его боком, потом изогнулся и, схватив лося за горло, уперся в землю всеми четырьмя лапами. Лось, задрал ноги, перевернулся через спину и с утробным стуком грохнулся на землю. В медвежьей пасти оказался кусок вырванного горла. Мотнув головой, он выбросил его и, злобно рыча, набросился на жертву. Но лось уже не пытался подняться. Лежа на спине, он перебирал в агонии ногами.

Подождав, пока лось успокоится, медведь огляделся. Лосиха со вторым лосенком, проскочив болото, уже скрылись за деревьями. С клюквенных кочек снялась стайка испуганных косачей и тоже исчезла в лесу. На высокой березе, стоявшей у края болота, откуда-то появился черный ворон. Тонкая ветка, на которую он уселся, прогнулась, перебирая лапами, он подвинулся на ней поближе к стволу и, поглядывая на лежавшего кверху ногами лося, удовлетворенно произнес: «Кру, кру».

Медведь ухватил лося за шею и, пятясь, потащил его к сосняку, из которого тот выскочил всего минуту назад. Оставляя за собой широкий волок, он затащил его в сосняк и начал сгребать мох и сухие ветки, чтобы забросать ими жертву. Вскоре между кочек вырос холм, из которого торчали только лосиные ноги. Закончив работу, медведь отошел к кромке леса и лег в опавшую листву между молодых тонких березок. Прижавшись к земле, он словно растворился среди листвы.

Ночью ударил сильный заморозок. Взошедшая над лесом луна высекла на земле голубоватое сияние. Голубым казался воздух между деревьями, слабым голубоватым светом светились одетые в изморозь кочки и торчащие на них кустики клюквы, и только тени от деревьев казались темно-синими. Положив тяжелую голову на лапы, медведь молча смотрел на притихшее болото и холмик в сосняке, под которым была спрятана убитая добыча. Он караулил ее и ждал, когда лось тронет запах тления.

Незадолго до рассвета медведь поднялся с лежки и пошел в тайгу. Он чутко улавливал все запахи, настороженно всматривался в заметные только одному ему следы. Больше всего его интересовал след другого медведя. Но кроме соболей, колонков да насоривших кое-где чешуей от кедровых шишек белок в тайге никого не было. Правда, один раз он наткнулся на старый след росوماхи, но та никогда не была ему соперником. Медведь искал место для новой берлоги.

Несколько раз он останавливался у островков молодого кедровника и поваленных деревьев, обходил их, принимался и все время уходил дальше. В его подсознании постоянно стояли грохочущие машины и суетсяящиеся около них люди. Он больше не хотел встречаться с ними.

Наконец он нашел подходящее место. Огромный, рухнувший от старости кедр придавил широкой вершиной густой, непролазный кедровник. При падении он примял и поломал несколько молодых деревьев. Под этой вершиной можно было спать как в хорошей избушке. Медведь обошел кедровник, оглядывая его со всех сторон, потом отошел в соседний островок молодого леса и залег там на целый день, чтобы понаблюдать за окружающим пространством. За весь день никто не побеспокоил его, ничто не привлекло внимания. К вечеру медведь почувствовал голод, поднялся и направился к убитому лосю.

Им уже пытались поживиться вороны, расклевавшие ноги, и шустрые рыжие колонки. Один из колонков так увлекся неожиданно подфартившей трапезой, что не заметил, как около туши появился медведь. Увидев хозяина добычи, он согнулся, сделавшись похожим на веревочную петлю, потом зашипел, распрямился и сиганул через голову медведя сначала на сосенку, а затем дальше, пока не очутился на высокой ветке большого дерева. Здесь можно было переждать, пока медведь не насытится и не отойдет от туши. Остатками со стола крупного хищника всегда кормится немало лесной мелочи.

От лося уже несло тлетворным запахом. Он щекотал ноздри, пощипывал горло, вызывал слюну и голодные спазмы. Медведь разгреб с лося натасканный им мусор, ткнулся мокрым носом в сухую, мягкую шерсть и с урчанием вонзил в брюхо жертвы огромные желтые клыки. Он ел с чавканьем и хрустом, отплеывая шерсть и куски шкуры, и все это время колонок, затаившись на толстом сучке высокого дерева, смотрел на пиршество, ожидая своего часа.

Когда медведь поднялся и, опустив голову, стал осматриваться по сторонам, колонок все так же сидел на месте. Медведь закрутил головой, задвигал ушами и кончиком носа, вынюхи-

вая и прослушивая пространство, потом отошел на край болота и лег за деревьями недалеко от опушки. Лишь после этого колонок осторожно спустился с дерева, пробрался к лосю и продолжил пиршество.

Весь следующий день шел мокрый снег. Медведь сходил к месту, которое выбрал для берлоги, залез под вершину кедра, лег, но тут же поднялся, почувствовав под боком сухую ветку. Он выбросил ее, выровнял ложе и снова лег. Проспав целый день, вечером медведь отправился на кормежку.

После того как был съеден весь лось, он еще несколько дней ходил по тайге, постоянно возвращаясь к берлоге. Он останавливался около нее, иногда ложился в кедровый подрост, чтобы проследить, не подстерегает ли его на месте новой зимовки опасность. Ночами уже сильно подмораживало, в ложбинах появились островки нетающего снега, и медведь, чувствуя приближение зимы, готовился к ней.

Однажды на тайгу обрушился буран. Воздух стал сухой и холодный, снег мело по земле, он шуршал, натываясь на опавшие листья. Медведь почувствовал себя вялым. Пригнувшись, он залез под кедр, где было тихо и сухо, улегся на бок, закрыл глаза и провалился в полузабытье, в котором слышал только легкое позванивание ветра в сухих ветках. К утру всю тайгу занесло снегом. Он замел медвежьи следы, накрыл медведя и верхушку кедра, которую теперь можно было определить только по небольшому сугробу, возникшему в мелколесье.

12

Снег закрыл развороченную бульдозерами землю, темные пятна моторного масла и пролитой солянки, преобразил весь городок строителей. У вагончика, в котором размещалась контора сварочного участка, стояла вкопанная в землю елка. Крупинки снега застряли в ее ветках, и казалось, что она поседела за одну ночь.

В этот день впервые за все время работы строители устроили выходной. Надо было сходить в баньку, привести в порядок одежду и личные вещи, написать письма домой. Димка еще с утра решил, что проведет выходной с Зиной. Только не мог придумать, чем им заняться в такую погоду. И он решил, что лучше всего спросить об этом ее. Натянул куртку и вышел на улицу.

Поскрипывая хрустящим снегом, Зина бежала от столовой к своему вагончику. Она была без пальто, в белом халате и белом поварском колпаке. Лицо ее покраснело, из-под купаватого халата выглядывали стройные ноги, на которые сразу же засмотрелся Димка. Зинкины коленки от холода тоже были розовыми.

– Здравствуй, Зиночка! – улыбаясь во весь рот, крикнул Димка. – Ты случайно не хочешь покататься на лыжах?

Зина остановилась, моргнув опухшими ресницами, посмотрела на Димку и, как ему показалось, несколько не удивившись, сказала:

– Случайно хочу.

Слова о лыжах вылетели у него как-то сами собой. Ни о каком катанье он не думал, просто лыжи всегда ассоциируются у человека со снегом.

– Тогда я организую лыжную прогулку, – сказал Димка, все так же улыбаясь.

– У меня нет лыж, – сказала Зина, поеживаясь и пряча ладони под мышками.

– Я буду катать тебя на санках, – сказал Димка. – Как маленькую девочку.

– Я уже не маленькая, – сердито ответила Зинка и в упор посмотрела на Шабанова.

Димка удивился ее взгляду потому, что он был не таким, каким казался всегда. Серые Зинкины глаза смотрели строго, но взгляд их был мягкий и притягательный, и Димке показалось, что он может утонуть в ее глазах. Он впервые почувствовал, что готов броситься в них,

как в омут, и у него сладко защемило сердце. Словно кто-то дотронулся до него нежной, ласковой лапой.

– Мы уедем с тобой далеко в тайгу и поселимся в медвежьей берлоге, – сказал он, дотронувшись до ее локтя. – Она выстлана мхом, в ней тепло и уютно.

– А медведь не захочет пообедать нами? – серьезно спросила Зина.

– Мы сами пообедаем им. Мы будем лежать на медвежьей шкуре и есть сырую печенку.

– Фу! – тряхнула головой Зинка. – Что может быть противнее сырой печенки?

– Но на медвежьей шкуре ты полежать не против?

– На медвежьей не против. – Она сверкнула глазами и добавила: – Только без тебя.

– Мы выступаем сразу же после обеда, – сказал Димка. – Не возражаешь?

– Нет, – ответила вконец замерзшая Зинка и побежала в свой вагончик.

Димка проводил ее взглядом и стал соображать, у кого бы можно было взять лыжи. В городке строителей лыжным спортом не занимался никто. Но ведь не зря он заикнулся о них. Ведь где-то же он их видел? И тут Димка вспомнил, что несколько дней назад с лыжами в руках шел Шумейко. Тому лыжи нужны, он иногда уходит на них проверять, не сбились ли строители с направления трассы.

Шумейко сидел за столом в своем вагончике в полушубке и натянутой до самых бровей ушанке. У него было бледное лицо, а взгляд глубоко запавших глаз – уставшим.

– Простыл, что ли? – сказал он, подняв глаза и отвечая на немой Димкин вопрос. – Лежать не лежу и работать не могу тоже. Сейчас бы попариться в баньке да хватануть хорошей перцовки.

Димка знал, что два дня назад при разгрузке с баржи упал в реку бензовоз, полный солярки. Из воды торчала только его кабина. Бензовоз нужен был для того, чтобы бульдозеры и экскаваторы не ездили за горючкой в городок, а заправлялись прямо на трассе. Вызволением из реки машины руководил Шумейко. Чтобы зацепить бензовоз тросом, ему самому пришлось лезть в ледяную воду. «Налазился», – подумал Димка, глядя на осунувшегося, закутанного в шубу начальника участка. На столе у Шумейко лежал график строительства нефтепровода, выполненный цветными карандашами.

– Степан Кондратьевич, – покосившись на график, сказал Димка. – Я видел у вас лыжи. Нельзя их взять? Сегодня вечером верну.

– Покататься решил? – спросил Шумейко, и его глаза немного оживились.

– Рябчиков тут недалеко видел, – сказал Димка. – Хочу сходить за ними. Когда снег станет глубоким, в тайгу не сунешься.

– Бери, – ответил Шумейко. – Они у меня в хозяйственном вагончике.

– А вторых лыж у вас случайно не найдется?

– И вторые есть. Только на них крепления маленькие.

– Мне маленькие и надо, – сказал Димка.

Шумейко внимательно посмотрел на него, сразу догадавшись, для кого нужны вторые лыжи, но ничего не сказал.

Зинка серьезно отнеслась к предложению Шабанова покататься на лыжах. Она надела валенки, теплые спортивные брюки, толстый свитер и красную вязаную шапочку. Димка внимательно оглядел ее экипировку и серьезно заметил:

– Я бы на твоём месте надел еще и дошку.

– Зачем? – не поняла Зина. – Мне и так тепло.

– Мы же не на лыжные гонки отправляемся, а на охоту. Пойдем не спеша. Может быть, где-то остановимся. Может быть, даже передохнем. В одном свитере будет холодно.

– Ты что, на самом деле хочешь охотиться на медведя? – удивилась Зинка. Она растеряно посмотрела на Шабанова и нерешительно добавила: – Я думала, ты пошутил насчет медвежьей печенки.

Димка рассмеялся. Он и не предполагал, что Зинка так простодушно клюнет на его шутку.

– Ни за каким медведем мы не пойдем, – сказал он. – А ружье я взял на всякий случай. Мы не в парк культуры идем, а в тайгу. В ней может всякое случиться. И рысь встретиться, и росомаха.

– А росомаха большая? – спросила Зинка.

– Да нет, чуть больше нашего Кузи. Ты его сегодня, кстати, кормила?

– Попробуй не накорми, он своим воем из столовой выживет, – сказала Зинка и, успокоившись, добавила: – Пойду за дошкой, как ты называешь мой свингер.

– У дошки одно название греет, – сказал Димка. – А как услышишь слово свингер, не то есть, не то тошнить хочется.

Они миновали вагончики и пошли краем тайги вдоль берега реки. Димка надеялся подстрелить здесь рябчиков. Но ни рябчиков, ни других птиц и зверей около городка строителей не было. Спасаясь от человека, они откочевали в более глухие места. Димка свернул вглубь тайги. Здесь было чище, и они шли, легко скользя по неглубокому снегу, потому что упавшие деревья попадались редко. Димка всматривался в следы, но читать их совершенно не умел. Выросший в степи, он не был охотником. И сейчас жалел о том, что рядом с ним не было собаки. Кузя был еще слишком мал, чтобы заниматься охотой.

Солнце, ярко светившее с утра, как-то незаметно исчезло с небосвода, его затянули легкие облака, которые становились все плотнее и ниже. Зинка покраснела, под этой краской исчезли веснушки на ее лице. Она вошла в азарт, ее увлекла прогулка. Они обогнули небольшое болотце и попали в нетронутый реликтовый лес. Деревья стояли здесь одно к одному, мощные, в два обхвата, глядя на них, Димка ощутил неясную тревогу. Могучий девственный лес, в котором до сих пор, может быть, не побывал еще ни один человек, казался таинственным и немного страшил. Димка невольно провел ладонью по прикладу ружья.

– Я устала, – сказала Зина и прислонилась спиной к кедру.

Димка смел рукавицей снег с валежины и пригласил ее сесть. В это время на соседнем дереве свистнул рябчик. Димка сорвал с плеча ружье, взвел предохранитель и начал внимательно разглядывать каждую ветку.

– Ты чего? – шепотом спросила Зинка.

– Где-то здесь сидят рябчики, – так же шепотом ответил он.

С соседнего дерева снова раздался свист. Димка встал с валежины и пошел к кедру. Стайка рябчиков вспорхнула с него и, отлетев метров на пятьдесят, снова уселась на нижних ветках. Прижав палец к губам, Димка приказал Зине стоять на месте и не шевелиться. Сам же, прячась за деревьями, стал осторожно пробираться к рябчикам. Выглянув из-за кедра, он сразу увидел весь табунок. Рябчики спокойно сидели, не замечая охотника. Стараясь унять вдруг неожиданно забухавшее сердце, Димка поднял ружье, прицелился и выстрелил в нижнего. Рябчик упал. Остальные снялись и, немного отлетев, снова сели.

Подобрав рябчика, Димка кинул его Зине и направился за остальными. Они опять подпустили его на выстрел, и ему удалось снять еще одного. Зинка подняла руку, давая понять, что подберет добычу, и Шабанов, все так же прячась за деревьями, начал подкрадываться к не встречавшимся с человеком, а потому непуганым птицам. Но на этот раз рябчики не подпустили его. Заметив охотника, они отлетели от него на те же пятьдесят метров, и, словно дразня, уселись на самом виду. Димка опять стал подкрадываться к ним на выстрел, а Зина с двумя рябчиками в руках следовала на некотором отдалении сзади. Но рябчики уводили их все дальше и дальше.

Вскоре пошел снег. Он летел все гуще и гуще и вдруг повалил так, что впереди на расстоянии десяти метров можно было видеть только сплошную белую стену. В лесу стало совсем темно, и Димка остановился.

– Давай отдохнем немного и повернем назад, – сказал он.

Зина рассматривала рябчиков. Они походили на маленьких пестрых курочек с красными бровями и мохнатыми лапками.

– Что мы будем с ними делать? – спросила она.

Димка достал из кармана кусочек шпагата, привязал рябчиков к ремню и сухо сказал:

– Пошли, а то скоро стемнеет.

Но сколько они не шли назад, везде были все те же высокие кедры. Зинка уже еле передвигала ноги, часто останавливалась, поправляя выбившуюся из-под шапочки и все время спадавшую на лоб прядь волос, но не жаловалась и не выдавала страха. Димка молча поджидал ее, когда она отставала. Он почувствовал, что они сбились с пути. Не решаясь сказать об этом, он попытался отыскать свою же собственную лыжню, которая бы вывела их к реке, но густой снег засыпал все следы. Наконец, Зинка остановилась, утерла рукавичкой мокрый лоб и тихо произнесла:

– Мне кажется, мы заблудились.

– Скоро настанет ночь, и мы найдем дорогу по звездам, – сказал Димка. – Мы определим направление по Полярной звезде. Я ее хорошо знаю.

Зинка посмотрела на низкое, закрытое плотными тучами темное небо и ничего не ответила.

– Люди почему-то всегда уходят влево, – сказал Димка. – Пойдем направо, и мы выйдем к речке.

Снег пошел реже, тучи поднялись над деревьями, и Димка почувствовал, что становится холоднее. Он понял, что ночью должен ударить мороз, и со страхом подумал о том, что может случиться с ними, если они не выберутся из тайги. Чтобы этот страх не почувствовала Зина, он сказал, стараясь придать голосу как можно больше бодрости:

– Не бойсь, Зинуля. Скоро мы будем дома.

Подгоняемые наступавшей темнотой, они снова двинулись в путь. Спустились в какой-то лог, поросший густым мелким кустарником, продрались сквозь него, поднялись на крутой взгорок и неожиданно оказались на берегу ручья.

– Ну, вот видишь, – обрадованно сказал Димка, – теперь мы точно выйдем к речке. Ручей нас выведет.

Они пошли вниз по течению, но ни ручей, ни лес им не были знакомы. Никакого ручья, пересекающего трассу нефтепровода, Димка не знал и даже не слышал о нем. Вскоре они вышли на мыс, который огибал ручей, перевалили через него и увидели на крутом берегу избушку. Широким торопливым шагом Димка подъехал к ней. В избушке было одно маленькое, похожее на черный квадрат, оконце. Оно не светилось, значит, за ним не было жизни. Но все равно это походило на чудо. В избушке наверняка была печь, а, значит, там можно будет согреться и скоротать ночь.

– Все, – сказал Димка, поднимая одну лыжу и отстегивая крепление. – Больше мы никуда не идем.

Зина не ответила. Она молча сняла лыжи, взяла их в руки и стала вслед за ним карабкаться на крутой берег.

В избушке, как и предполагал Димка, никого не было. Он зажег спичку и осмотрелся. На небольшом, грубо сколоченном из досок столе стояла керосиновая лампа без стекла, из головки которой торчал краешек черного, обгоревшего фитиля. Димка поднял ее, взболтнул и услышал, как в железной утробе булькнул керосин. Он зажег лампу и подробнее рассмотрел избушку. С обеих сторон стола у стен были небольшие нары. На одних из них лежало старенькое байковое одеяло с большой прожженной то ли головешкой, то ли упавшей папиросой дыркой посередине. На стене висели заношенный полушубок с вытершимся до блеска воротником и несколькими заплатами на локтях и спине из оленьего камуса. У самых дверей при-

мостилаась железная печка, на которой стоял помятый, закопченный до самой дужки чайник. В углу лежали наваленные кучей дрова, из-под которых торчал кончик топорика. Там же стояло старенькое ведро.

– Почему здесь все так бросили? – оглядывая избушку, испуганным шепотом спросила Зина. – Хозяев, наверно, убили?

Ее лицо побледнело, в глазах отразился неподдельный страх. Она провела рукавичкой по краю нар, куда, очевидно, хотела присесть, но тут же отодвинулась и встала около двери.

– Ты думаешь, медведь? – спросил Димка.

– Ну а кто же еще? – Она подвинулась к нему, взялась рукой за ремень ружья.

Димка обнял ее за плечо, прижал к себе и сказал:

– Никаких медведей тут нет. Это избушка охотника. Охотники всегда оставляют в своих избушках и дрова, и провизию. Чтобы человек мог перекусить и согреться, если нужда заставит его оказаться здесь. Ты даже не представляешь, как нам повезло.

Димка вытащил топор, прямо у порога нащипал от полена лучину, уложил ее в печку. Заглянул в угол, потом под нары, достал оттуда кусочек бересты, сунул ее под лучину. Вскоре в печке загудел огонь, избушка стала быстро наполняться теплом. Уставшая Зинка присела на краешек нар, стянула с головы шапочку, тряхнула головой. Ее рыжие волосы рассыпались по плечам, она вытянула ноги, положила руки на колени и отрешенно уставилась в пространство.

– Сильно устала? – глядя на нее, сочувственно спросил Димка.

– До изнеможения. – Она закрыла глаза и покачала головой. – Как мы будем выбираться отсюда?

– Завтра утром пойдем по ручью, обязательно выйдем к речке. А там и до городка недалеко.

Он повернулся, взял ведро и толкнул рукой дверь.

– Ты куда? – испуганно спросила Зинка.

– За водой. Надо хоть чаю попить. А ты вот что, – он отстегнул с пояса рябчиков, протянул ей, – береги пока их. Есть-то все равно что-нибудь надо.

На улице стало совсем холодно. В затянувших небо тяжелых тучах кое-где образовались дырки, сквозь которые проглядывали кусочки черного неба и льдистые звезды. Димка спустился к ручью, но добраться до воды оказалось нелегким делом. Ручей плотно сковало льдом. Он попытался разбить его ногой, но лед не поддавался. Димка стал шарить глазами по берегу. Увидев здоровенный сук, он разбил им лед, кое-как зачерпнул воды. Когда он вернулся в избушку, Зина, сидя около печки, теребила уже второго рябчика. Димка ополоснул чайник, налил в него воды, поставил на печку. Рябчиков сварили в ведре. В избушке нашлись и соль, и чага для заварки чая. Охотник, которому она принадлежала, оказался запасливым человеком.

Отогревшись, Зина повеселела. Отщипывая от рябчика маленькие кусочки белого, похожего на куриное, мяса, она посмотрела на печку, источавшую расслабляющее тепло, на желтый, дрожащий огонек керосиновой лампы и сказала:

– Здесь все, как в сказке.

– Не хватает только Бабы-яги, – заметил Димка.

– А я? – Она посмотрела на него ироничным, задиристым взглядом.

– Ну нет, – тут же ответил Димка, с возмущением отменяя даже гипотетическую возможность подобного сходства. – Ты больше похожа на Василису Прекрасную.

Зинке польстило сравнение, и она рассмеялась. Ей было хорошо оттого, что она оказалась в тепле, утолила голод и теперь имела возможность отдохнуть от изнурительной и, в общем-то, глупой затеи поохотиться в тайге на рябчиков. Она отодвинулась от стола, сняла валенки и, забравшись с ногами на нары, навалилась спиной на стену.

– Так бы и уснула сейчас, – сказала она, закинув руки за голову и глядя на тусклый огонек чадающей лампы.

– Ну, так ложись, – ответил Димка. – Стели полушубок и спи.

Зинка посмотрела на полушубок, двумя пальцами отвернула одну его полу и, скривив губы, сказала:

– Он грязный. В нем ведь могут быть и блохи, и другие насекомые.

– Какие насекомые? – удивился Димка. – Если и была какая-нибудь блоха, она уже давно сохла с голоду. Ты что, не видишь, что в этой избушке никто не был с прошлой зимы?

Он снял со стены полушубок, хлопнув дверью, вышел наружу и несколько раз встряхнул его с такой силой, что старая одежка треснула от надсады. Вернулся в избушку, плотно прикрыв за собой дверь, постелил полушубок на нары и сказал:

– Ложись.

– А ты на чем будешь спать? – спросила Зинка.

– Обо мне не беспокойся. Я сейчас подброшу в печку дров и тоже лягу.

– Только не туши свет, пожалуйста, – сказала она.

– Ну, вот еще, – Димка дернул плечами. – Сожжем керосин за одну ночь, а потом хозяин избушки будет сидеть в темноте? Хороший подарок за щедрое гостеприимство.

– Тогда я не буду спать, – твердо сказала Зинка. – Я боюсь здесь спать в темноте.

– Я лягу с тобой. – Димка повернулся к ней, чтобы посмотреть, как она отреагирует на его слова. – И ружье заряженное поставлю к стене около нар.

– Разве только ружье... – неопределенно сказала Зинка.

Димка подбросил в печку дров, погасил лампу и лег на нары. Зинка, не дыша, отодвинулась к стене, и Шабанову показалось, что если бы она могла вжаться в нее, сделала бы это не задумываясь.

– Ты чего так далеко убежала? – спросил он. – Надо наоборот ложиться ближе друг к другу. К утру избушка выстынет, дубу дадим.

– Я не замерзну. – Зина повернулась спиной к стене и поджала ноги. – У меня свитер теплый и вообще я тепло одета.

– Ты стену внимательно осмотрела? – спросил Шабанов.

– А что там может быть? – сразу насторожилась Зина.

– Мыши, что же еще? – ответил Шабанов. – Нор там не видела?

– Здесь еще и мыши могут быть? – Зина испуганно отодвинулась от стены, прижалась к Шабанову.

– Чего ты так боишься? У нас же ружье заряженное, – рассмеялся Димка.

Он положил ее голову на свою руку, широкой ладонью притиснул к себе. Она прерывисто задышала ему в ухо, сердито сказала:

– Тебе хорошо шутить, а я зверей боюсь. А мышей особенно.

– Никакой мыши я тебя не отдам. – Димка повернулся к ней боком, губами нашел ее мягкие припухлые губы и осторожно поцеловал.

Зина уперлась маленькими кулачками в его грудь, пытаясь отодвинуться. Но в ответ на сопротивление он только сильнее притиснул ее к себе и поцеловал сначала одним долгим поцелуем, а потом начал осыпать жадными торопливыми поцелуями лицо, глаза, волосы. Зинка снова попыталась отодвинуться, но попытка была такой вялой, что это еще больше возбудило Димку. Он целовал ее, а она блаженно лежала, чувствуя, как, захлебываясь от накатившего жара, колотится сердце. Кровь ударила в виски, у нее закружилась голова, она ощутила под свитером Димкину руку, поняла, что он вытаскивает ее рубашку, пытаясь добраться до тела горячей рукой, но почему-то не сопротивлялась его действиям. У нее хватило сил лишь однажды с тихим стоном произнести: «Дима, не надо», но он или не услышал ее слов, или не обратил на них внимания. Она пришла в себя лишь тогда, когда он, успокоившись, лег рядом, а ей пришлось в темноте искать одежду и натягивать ее на себя.

– Зачем ты сделал это? – одевшись, спросила она и всхлипнула. – Как я теперь буду жить с таким позором?

– Зина, – Димка попытался прижать ее к себе, но она не далась. – Я же тебя не брошу.

– Насмотрелась я на такую любовь, – глухо сказала она и снова всхлипнула.

– Где насмотрелась? – спросил Димка.

– В своей пьяной квартире. – Она уже не плакала, а рыдала, содрогаясь всем телом. – Не хочу, чтобы у меня было так же.

– Зина, – Димка протянул руку, чтобы обнять ее, но она отвернулась лицом к стене. – Ну, чего ты плачешь? Завтра же пойду к Шумейко и попрошу, чтобы нам выделили половину вагончика. Выходи за меня замуж?

– Ты серьезно? – она повернулась к нему.

– Конечно серьезно. – Он провел ладонью по ее волосам, поцеловал в щеку. – Закончим эту чертову стройку, уедем в город, купим квартиру и будем жить как белые люди.

Она перестала всхлипывать, села, опершись спиной о стену, обхватила колени руками. Он сел рядом с ней, положил руку на ее плечо. От Зинкиных волос пахло свежестью, от нее вообще исходил какой-то особый возбуждающий запах, и Димка снова поцеловал ее в голову.

– А в какой город ты хочешь уехать? – осторожно спросила она.

– Мне все равно. – Он взял в руку ее ладонь, прижал к щеке. Зинка положила вторую руку на его голову, стала осторожно перебирать пальцами волосы.

– Я так хочу, чтобы у меня была хорошая семья, – сказала она. – Чтобы мы с мужем любили друг друга и у нас было много детей.

– Сколько? – спросил Димка.

– Два мальчика и две девочки.

– Я согласен, – сказал он и снова начал целовать ее в губы и шею...

13

Проснулся Димка, когда за маленьким окошком было еще темно. Снаружи не доносились ни ветра, ни шороха деревьев. Он осторожно выпростал руку из-под Зинкиной головы, нашарил на столе спички, зажег одну и посмотрел на часы. Было ровно шесть. Он поднялся, укрыл Зинку одеялом и вышел из избушки. Под ногами сразу скрипнул снег. Льдистые звезды, переливаясь на черном небе, молча смотрели на землю.

Постояв немного, он заметил, что небо над тайгой с одного края начало сереть. Значит, там находится восток, догадался Димка. Чтобы выйти к городку строителей, надо идти на север. Но теперь он твердо решил держаться ручья. На север они повернут после того, как дойдут до его устья.

Димка зашел в избушку, растопил печь. Огонь занялся быстро потому, что в печи еще сохранились не погасшие угли. Когда дрова стали потрескивать, а в топке загудело пламя, на нарах под одеялом зашевелилась Зина. Она вытянулась на спине, протерла ладонями глаза и, моргнув несколько раз ресницами, спросила:

– Что, уже надо вставать?

– Лежи, засоня, – ответил Димка. – Согрею чай, тогда встанешь.

Зина села, сбросила одеяло, свесила на пол ноги. Затем потянулась и передернула плечами.

– Замерзла? – спросил Димка, чувствуя, что от одного ее взгляда теплеет в груди. Ему всегда не хватало этого тепла. Только сейчас, глядя на Зинку, он понял, что обрел человека, рядом с которым ему было хорошо. Слишком долго он чувствовал себя одиноким. А одиночество – это то же сиротство.

– Нет, – ответила она, тряхнув головой. – Но вообще-то нельзя сказать, что здесь жарко.

Он подошел к ней, обнял за плечо, поцеловал в голову. Она подняла на него глаза, прижалась щекой к его груди. Ему показалось, что вот так, обнявшись, они могли сидеть сколько угодно и уже от одного этого были бы счастливы.

– Что, Дима? – спросила она, не опуская глаз.

– Я тебя очень, очень люблю, – сказал он, одной рукой подхватил ее и посадил к себе на колени.

– А я в тебя влюбилась сразу, как только увидела, – сказала она.

Снаружи вдруг раздался лай, кто-то заскребся в дверь. Зинка испуганно соскочила с Димкиных коленей, одернула свитер, села и положила руки на стол. Димка рывком встал, распахнул дверь. От порога отскочила серая рослая собака с небольшими, остро торчащими ушами и круглым колечком хвоста, лежащим на спине. В первое мгновение Димка подумал, что это волк. Но он знал, что у волков хвосты никогда не сворачиваются в кольца. Да и взгляд у зверя был совсем не диким. Остановившись метрах в пяти от избушки, он смотрел на Димку внимательными желтыми глазами. Словно удивлялся, откуда здесь могло появиться такое неожиданное существо.

Димка уже хотел закрыть дверь, как у избушки появилась вторая собака. Она, не раздумывая, подскочила к порогу, остановилась на мгновение, за которое успела обнюхать Димку, и юркнула в избушку.

– Ну, вот и гости пожаловали, – сказал Димка, выходя наружу.

Скользя по снегу на широких, подбитых камусом лыжах, к избушке подходил человек, на плече которого висело ружье, а за спиной виднелся рюкзак. Димка понял, что это хозяин. Он был в стареньком, заношенном полушубке и такой же старенькой, вытертой в нескольких местах шапке. Димку удивило его коричневое, плоское, иссеченное глубокими морщинами лицо и узкие, словно щелочки, прорези глаз. Не сбавляя хода, охотник подъехал к избушке и остановился у самых дверей.

– Привет, – сказал Димка, хлопая от неожиданности глазами.

– Здорово, однако, – охотник сдернул меховую рукавичку, протянул для приветствия сухую твердую руку.

Димка пожал его ладонь и сказал, кивнув на избушку:

– Извини, вчера заблудились. Пришлось воспользоваться твоим жилищем.

Стоявшая поотдаль собака осторожно подошла к Димке, задержала кончиком носа, обнюхивая его. Охотник, словно прицеливаясь, окинул его взглядом, затем повернулся к стене, где стояли двое лыж. Прищурился так, что Димке показалось, будто он закрыл глаза. Потом снял свои лыжи и тоже поставил к стене. Димка открыл дверь.

Зина уже успела прибрать все внутри. Шубейка, на которой они спали, висела на гвозде, аккуратно сложенное одеяло лежало в изголовье нар. Охотник, очевидно, не ожидал увидеть здесь женщину, запнулся на пороге и спросил, словно не верил себе:

– Баба, однако?

– Я же тебе говорю, что мы заблудились, – ответил Димка, подталкивая его внутрь. Он уже замерз стоять на морозе.

Охотник зашел, внимательно оглядел избушку, бросил быстрый, сердитый взгляд на собаку. Она, опустив хвост, тут же выскочила наружу. Димка, испугавшийся сначала неожиданной встречи, сейчас обрадовался охотнику. Уж теперь-то они точно доберутся до своего городка. Охотник наверняка поможет найти дорогу.

– Проходи, садись, – сказал Димка, словно он был здесь хозяином, а не гостем. – Тебя как звать-то?

Охотник снял ружье, повесил его на гвоздь над нарами, положил у дверей рюкзак. Достал из кармана папиросу, сунул в рот, открыл печку, зажег от огня лучину, прикурил и только после этого ответил:

– Пырчин зовут.

– Как Пырчин? – удивился Димка. – Имя что ли такое?

– Имя Николай, – пыхнув папиросой, ответил охотник.

Он шагнул к Зинке, отстранил ее рукой, приподнял одеяло, потом заглянул под свою шубейку, висящую на стене. По всей видимости, проверял, в сохранности ли оставляют гости его вещи. Затем перевел взгляд с девушки на Димку и, хитро прищурившись, сказал:

– Заблудился, говоришь?

– Мы нефтепровод строим, – торопливо заговорил Димка. – Пошли поохотиться на рябчиков, они увели нас в сторону. А там снег пошел. Если бы не нашли твою избушку, замерзли бы.

Но по глазам Пырчина он видел, что тот ему не верит. По всей видимости, считает, что Димка специально привел девушку в избушку, чтобы переночевать с ней здесь. Димка понял, что охотнику, родившемуся в тайге, трудно поверить, что кто-то может в ней заблудиться. Поэтому спросил:

– Ты что, не знаешь, что мы здесь нефтепровод строим?

– Слышал, однако, – неопределенно ответил Пырчин, попыхивая папиросой и все время поглядывая на Зинку. Девушка, видать, понравилась ему. Димка решил использовать это.

– Если ты не проводишь ее до нашего городка, она замерзнет, – сказал он. – Мы одни дорогу туда не найдем.

– Как я пойду? – Пырчин снова пыхнул папиросой. – Я на охота пришел.

– Так вы охотник? – впервые подала голос растерявшаяся от вида незнакомого человека Зина.

– Плохой охота сейчас стал, плохой, – покачал головой Пырчин. – Ваши люди далеко сополь угнали. Нет сополь. И пелка нет. Плохо остяку. Вчера целый день шел до другой избушка, один сополь добыл. Совсем плохо.

Димке показалось, что охотник сейчас расплатится. Если соболь и белка ушли из тайги, что же ему остается здесь делать? Но вместо печали в узких, хитроватых глазах охотника светились озорные искорки.

– Правда замерзла? – спросил он, глядя на Зинку.

– Вообще-то здесь не жарко, – передернув плечами, ответила она. – А где вы живете?

– Тайга живу. Недалеко здесь. Два дня идти надо.

Димка вспомнил, как однажды Гудков и Шумейко рассматривали карту будущей трассы. В стороне от нее на берегу таежного озера была обозначена деревня Пырчино. Как говорил Шумейко, ее и деревней назвать нельзя. Заимка из трех домов. Очевидно, оттуда и пришел охотник. Насколько помнил Димка, деревня находилась от их городка довольно далеко.

– Проводи нас до городка, – взмолился Димка. – По дороге охотиться будешь. Мы же пойдем по дикой тайге, наверняка что-нибудь подстрелишь. Собаки найдут. Собаки у тебя хорошие.

– Сопака хороший, – согласился Пырчин.

Он встал, закинул за плечи рюкзак, снял с гвоздя ружье. Димка понял, что Пырчин решил вывести их из тайги.

Как только они вышли из избушки, лежавшие на снегу собаки тут же вскочили и насторожились, глядя на хозяина. Охотник надел лыжи и неторопливым размеренным шагом заскользил между деревьев. Собаки рванулись вперед, мелькнули за кедрами и исчезли, словно растворились в тайге. Теперь они будут рыскать по лесу, уходя далеко в стороны и постоянно возвращаясь на след хозяина. Димка пропустил вперед Зину и пошел сзади.

Охотник шел не оглядываясь, изредка огибая упавшие деревья и мелкую поросль. Димка смотрел на него, коренастого, еще крепкого, и думал о том, что сейчас он, возможно, идет с последним охотником этих мест. Когда освоит нефтяное месторождение, пустят нефтепровод,

зверье отсюда разбежится. Чем тогда будут жить здешние охотники? Он еще раз посмотрел на Пырчина. На нем была старая, заношенная шубейка, старый рюкзак и такое же старенькое ружье «Белка» с замусоленным, вытершимся прикладом. Пырчин уже сейчас был реликтом. «Неужели он не понимает, что ждет его впереди?» – подумал Димка.

Они шли без отдыха около часа. Зинка устала, стала отставать.

– Давай остановимся, – попросил Димка охотника и показал глазами на девушку. – Ей надо отдохнуть.

Охотник подошел к поваленному дереву, смел с него рукавицей снег. Сел, достал из-за пазухи папиросы. Тут же откуда-то появились собаки, тяжело дыша и высунув языки, улеглись на снег рядом с ним.

– Кури, – сказал он и протянул Димке пачку «Севера».

– Я привык сигареты. – Димка достал из кармана пачку сигарет. – Будешь?

– Сигарета не надо. От них кихи-кихи, – охотник взялся ладонью за горло и показал, как люди кашляют от сигарет.

– Скучно, наверно, в тайге? – спросила Зина, усаживаясь рядом с охотником. – Надоедает все время одному?

– Когда сополь есть, скука нету, – сказал охотник. – А так сидишь один, песня поешь. Сопачка тоже поет. А ну петь давай, песня петь, – обратился он к собакам.

К великому удивлению Зинки, собаки задрали морды и завyli. Они были так протяжно и жалобно, что от этого воя в душу закрадывался страх. Тихо шумел ветер в разлапистых кронах кедров, осыпая с веток на землю искристый снежок. Двое людей сидели на поваленном дереве, один стоял рядом. А у их ног собаки пели древнюю песню тайги. И Димка представил, как непроглядными зимними ночами под нескончаемый шум метели собаки воют в избушке. Рядом сидит охотник, покуривает папиросу и слушает эту душераздирающую звериную песню. А когда он умрет, они будут приходить на его могилу и выть ночами.

Пырчин бросил окурок, надел рукавицы, поднялся. Собаки вскочили и побежали вперед. Они шли долго. Солнце, поднявшись на небосклоне, стало клониться к верхушкам деревьев, когда издалека донесся надрывный рокот машин. Димка понял, что это работают экскаваторы.

– Все, дальше моя не ходи, – охотник остановился, прислушиваясь к гулу. – Теперь придете сами.

– Может, пойдешь с нами? Я тебя чаем угошу, водки дам. – Димке хотелось отблагодарить доброго охотника, потерявшего почти целый день, чтобы вывести их на трассу.

– Водка нельзя. От водка в тайге смерть найдешь, – сказал охотник, повернулся и неторопливо направился в обратный путь.

14

У первого вагончика их повстречал раздраженный Шумейко.

– Вы где были? – оглядев Димку и Зину, спросил он и на его щеках заиграли сердитые желваки. – Я тут весь городок на ноги поднял. Вездеход ушел за вами в тайгу с самого утра. Панов на нем уехал.

Шумейко был сердитым. Зинка, сгорая от стыда, опустила голову. В его глазах она прочитала жесткий упрек. Он словно говорил: я знаю, зачем вы ушли в тайгу и почему остались там на ночь. Зинка отвернулась. Димка начал рассказывать о том, как они заблудились и в конце концов наткнулись на охотничью избушку, которая и спасла их от холода. В конце рассказа Димка хотел попросить начальника, чтобы он выделил им с Зинкой половину вагончика, в котором они могли бы жить вместе. Но у того не было никакого желания выслушивать рассказы, а тем более просьбы.

– Больше за лыжами ко мне не приходи, – сухо сказал Шумейко и повернулся к Зинке: – А ты марш на кухню. Сегодня мужики из-за тебя без обеда остались.

Он поднял руку, пытаясь сказать что-то еще, но только махнул ей. Перевел взгляд с Зинки на Шабанова и пошел к себе в контору. Димка зашел в свой вагончик. В нем было так тепло и сухо, пахло таким родным духом, что он, расстроившись из-за тех хлопот, которые доставил начальнику участка, сразу успокоился. Паша Коровин сидел на постели и рассматривал лежавшую на коленях большую и красивую шкурку выдры. Откуда она появилась, Димка не мог понять.

– Ты что, тоже ходил на охоту? – спросил он Пашу.

Тот провел кончиками пальцев по переливающемуся темно-шоколадному меху, улыбнулся отстраненной улыбкой и, не отрывая взгляда от выдры, сказал:

– Понимаешь, выхожу я вчера из вагончика, а около него стоит какой-то странный человек с ружьем на плече и самодельными лыжами в руках и пытается заглянуть в наше окошко. Я у него спрашиваю: «Чего тебе надо?» А он отвечает: «Шкурка хочешь?» Какая, думаю, шкурка? Молчу, смотрю на него. Он развязывает рюкзак и достает оттуда вот эту выдру. «Сколько?» – спрашиваю я и лезу в карман за деньгами. Он говорит: «Деньги не надо» – и начал засовывать шкурку назад в рюкзак. Тогда я спросил: «А что тебе надо?» «Водка надо», – ответил он. Но ты же знаешь, водку у нас не продают. Я побегал по городку, нашел у ребят четыре бутылки, что держали в заначке, принес ему, а он говорит: мало. Отвечаю, что больше нету. Короче, отдал я ему четыре бутылки и еще сто рублей. Шапка выйдет, закачаешься.

Он поднял шкурку на вытянутой руке, встряхнул ее и сочно чмокнул губами. Коровин был так обрадован неожиданным приобретением, что даже не спросил, где Димка провел ночь и как он вообще сумел выжить целые сутки в тайге на таком холоде. Димку резануло это абсолютное безразличие к судьбе товарища, но он понял, что говорить сейчас с Пашей на подобные темы бесполезно. Радость бесценной покупки для него гораздо дороже жизни всех остальных людей, вместе взятых.

Димка снял куртку, повесил ее на гвоздь и сел на свою кровать. И сразу почувствовал, что у него нет сил, чтобы подняться с нее. Если бы пришлось бродить по тайге еще несколько часов, он бы не выдержал. Спасибо охотнику. Димка покосился на Пашу, который все еще разглядывал шкурку, и спросил:

– А что это был за охотник? Как он выглядел?

– Я его что, рассматривал, что ли? – удивился Паша. – Абориген какой-то. Собака с ним была. Черная, с белым галстуком на груди. Все по городку бегала, вагончики обнюхивала.

Димке почему-то показалось, что этим охотником должен быть Пырчин. Но у того были две собаки и обе серые. Кроме того, Пырчин не пил водку, он сам об этом сказал. Значит, приходил кто-то другой. Это в какой-то степени утешило Димку. Беспокоило другое: как сейчас чувствует себя Зина? Она устала больше него, но отдохнуть ей не придется. Если мужиков, оставшихся без обеда, не накормить и ужином, возникнет скандал. Ему вспомнилась избушка, в которой они ночевали, и Зинка, испугавшаяся мышей и прижавшаяся от страха к нему. От этого воспоминания потеплело на сердце, и на лице появилась чуть заметная улыбка. «Она еще наивная, как ребенок, – подумал Димка, – и славная. А может быть, поэтому и славная? Ведь непосредственность всегда очаровательна».

Димка решил идти на кухню и помочь Зине. Усилием воли он заставил себя подняться. Он уже шагнул к вешалке, чтобы надеть куртку, но в это время дверь открылась, и на пороге появился Шумейко. Паша Коровин испуганно сунул шкурку выдры под подушку. По всей видимости, побоялся, что начальник участка может выпросить ее у него. Но Шумейко не заметил торопливого движения Паши. Прикрыв за собой дверь и оглядевшись, он спросил Димку:

– Где находится избушка, в которой вы ночевали?

– Километров пятнадцать отсюда, не меньше, – сказал Димка. – Мы от нее шли часов пять. А что?

– Я второй вездеход послал, чтобы нашел Панова и велел ему возвращаться. – Шумейко помолчал, посмотрел на Димкину куртку, висевшую на гвозде, и сказал: – Охотник твой к нам вчера приходил. Предлагал рыбу. Но за ней на вертолете лететь надо.

– Ну и что? – спросил Димка, который не понял, зачем Шумейко расспрашивает его об этом.

– Охотник ведь и соврет – недорого возьмет. Пошлем туда вертолет, а рыбы там нету. А знаешь, сколько сейчас вертолет стоит?

– Тот охотник, которого видел я, сюда не приходил, – сказал Димка. – В городок приходил другой, с ним Паша разговаривал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.